

Святые с улицы Вримэ

ИЛЬЯ ЕРМАКОВ

16+

Илья Сергеевич Ермаков

Святые с улицы Бримо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57483403

SelfPub; 2020

Аннотация

Если Ходячая Старость собирает отряд Восьми Призраков Йорма, это может означать только одно: демонам не поздоровится. Днем они – душепопечители Церкви на улице Бримо, любители бейсбола и вкусной пиццы, а ночью – последний щит этого мира от сил зла. Каждый из них хранит свою личную историю. Когда дело касается капризов строптивой беременной принцессы, политических игр во Дворце или угрозы вторжения Легиона демонов, они не могут оставаться в стороне. За ответами на все вопросы и разгадками мрачных тайн им предстоит отправиться в самое Пекло Огненной Геенны...

Содержание

Глава 1. Церковь душепопечительства на улице Бримо	5
Пиццерия «О, мой бог!»	22
Краткая Сводка душепопечителей	34
Глава 2. Бейсбол на церковном дворе	39
История Экзорциста	55
Глава 3. Пицца, кагор и демон в бутылке	85
Пиццерия «О, мой бог!»	99
Глава 3. Пицца, кагор и демон в бутылке (продолжение)	102
Глава 4. Кардинал Ноа де ла Мар	106
История Бродячей Совы	120
Глава 5. Строптивая беременная принцесса Мария Леконт	136
Пиццерия «О, мой бог!»	154
Глава 6. Кто подстроил сердечный приступ?	158
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Иногда несовершенное делает все остальное совершенным

«Теория Большого взрыва»

Благо богов – это ветер, он надувает паруса, но и подымает бурю

«Волны гасят ветер», А. и Б. Стругацкие

Глава 1. Церковь душепопечительства на улице Бримо

– Исповедь – первый шаг к отпущению грехов. Покайтесь в своих скверных делах, и будет прощено вам. Помолитесь Создателю, и он услышит вас. Не отвергайте Творца своего, а примите его в сердце свое.

– Я грешен, отче...

– Как и все мы. Исповедуйтесь, сын мой. Здесь вы можете рассказать мне обо всем, что вас тревожит, и клянусь вам именем Святого Лазаря – никто не узнает о прегрешениях ваших. Говорите с Создателем через меня.

В воздухе витали приятные нотки розмарина. Свечи с этими благовониями являлись неотъемлемой частью Церкви душепопечительства на улице Бримо.

– Я запутался, пастор Джозеф. Я блуждаю в темном лабиринте собственного обмана и незнания. Я не могу найти выход. Я делаю все, что в моих силах, но этого постоянно мало.

– Говорите, сын мой, продолжайте. Не останавливайтесь.

– Ноша отцовства дается мне слишком тяжело. Я не справляюсь с теми трудностями, что посылает мне Создатель.

– Каждый из нас нуждается в помощи. В жизни у всех

нас наступают времена, когда мы не в силах противостоять трудностям в одиночку. Для этого и есть родные, близкие и друзья. Ты не одинок, сын мой.

– И все же я одинок, пастор Джозеф.

– Что вас так гнетет?

– Моя дочь... и ее судьба.

Их разговор являлся священным таинством. Зал Церкви этим утром оказался совсем пуст, и только робкий шепот собеседников доносился из исповедальни.

– Император Селиван Леконт? Это вы?

– Вас не обманешь, пастор Джозеф.

Пастор Джозеф, осознав то, кого он имеет честь исповедовать, внезапно замолчал. К нему в Церковь приходили разные люди, но самого Императора он принимает в своей исповедальне впервые.

– Я хотел проникнуть в Церковь инкогнито и остаться никем незамеченным до возвращения во Дворец. Но вы меня раскусили, пастор Джозеф.

– Вы не были обязаны скрываться, Ваше Величество.

– Я хотел явиться в исповедальню простым грешником, лишенным заслуг и лавров, которые получил при жизни. Ни статус, ни фамилия не должны иметь значения для вас, пастор Джозеф.

– Вы правы, Ваше Величество. Именно все так и есть. Если вы хотите исповедаться, то я с радостью приму и выслушаю вас.

– На самом деле, пастор Джозеф, я пришел просить совета.

– Совета?

– Да... Совета, касающегося моего отцовского поведения и воспитания дочери.

– Принцесса Мария? У вас с ней возникли разногласия?

– Каждый день, пастор Джозеф. Не проходит и дня, что мы не поругались или не поссорились с ней. Я чувствую себя плохим отцом. Я не хочу кричать на собственного ребенка. В особенности... учитывая то положение, в котором она находится.

Ни для кого не был секрет, что наследница престола, дочь Императора, принцесса Мария Леконт... беременна.

Вопрос о том, кто же является отцом еще не рожденного ребенка, остается открытым.

Это известие поставило жуткое клеймо на всю Императорскую семью и опорочило ее честь. Никто не винит самого Императора, ведь каждому известно о своенравности и распущенности непутевой дочери-принцессы.

– Император Селиван, не забывайте, что я не только пастор в нашей Церкви, но также, по совместительству, являюсь душепопечителем. Вы можете говорить со мной не только, как с пастором. Вы имеете полное право открыться мне, Ваше Величество. Если вам будет удобно, то мы можем открыть створки, отделяющие нас.

– Да, пастор Джозеф. Пожалуй, мне так будет комфорт-

нее.

Пастор Джозеф открыл окошко и одернул алую шторку, отделяющих его от той маленькой комнатки исповедальни, в которой сидел Император. Сейчас же они наконец встретились взглядами впервые за все время беседы.

Император в возрасте сорока пяти лет предстал перед пастором Джозефом в черном строгом костюме, белой рубашке и с серым галстуком. Каштановые волосы Селивана аккуратно гладко зачесаны назад, волнистые локоны обрывались у самых плеч. Щеки и подбородок Императора украшала гладкая борода, сливаясь с усами. Шея, в свою очередь, полностью выбрита. На пастора Джозефа смотрели влажные карие глаза несчастного человека.

– Пастор... я никогда прежде не испытывал столь жуткой боли с тех самых пор, как скончалась Императрица, когда в очередной раз вынужден ругаться со своей дочерью.

– Никто не обещал, что бремя отцовства будет легким. Зная о вашей ситуации, я могу сказать, что ваш случай является исключительным. Если мы перейдем с вами на простой человеческий язык...

– Да! Да, пастор Джозеф! Мне бы очень этого хотелось! Прошу, говорите со мной, как с добрым другом, а не как со своим Императором. Мне очень не хватает подобных бесед! Лишь к вам я мог пойти в такой тяжелый час...

Пастор Джозеф одарил Селивана теплой улыбкой и кротким кивком.

– Ни для кого не является секретом сложный характер вашей дочери. Мария, правда, непростой ребенок...

– Говорите все прямо, пастор Джозеф! Она – настоящий демон! Мой маленький дьябло!

– Ох, не стал бы я так высказывать о крови своей, Император Селиван...

– Но иных слов я не могу подобрать, пастор Джозеф! Да простит меня Создатель, что я говорю о родной дочери, как о бесе. Ее просто невозможно контролировать! Она вообще не слушает! Никого не слушает! Главное – она не слушает меня!

– В ее возрасте и в ее положении это вполне естественно. Вы должны это понимать. Скажите, вела ли себя так Мария при жизни Императрицы Амелии?

Император задумался.

– Нет... богом клянусь я никогда не видел ее такой! И слова скверного никогда не слышал из ее уст! Она... она была примерным и покладистым ребенком!

– Из этого мы делаем простой вывод, что смерть матери – одна из основных причин, которая повлияла на изменение поведения Марии. Как вы думаете, что еще могло являться причиной такого протеста?

Селиван отвел взгляд в сторону. Пастору Джозефу показалось, что Император никогда даже не задумывался о подобных вопросах.

– Она стала такой после первого побега из Дворца. Мы

тогда сильно поругались с ней, и она убежала. Когда Мария вернулась, то она... стала совсем другой.

– Вот мы нашли с вами еще один рычаг, изменивший поведение и личность вашей дочери. Вам так и не удалось выяснить, куда она сбегала?

– Нет... я посылал шпионов. Они не нашли ее. Однажды Мария сама обнаружила шпионов, которые следили за ней. У нас случился громкий скандал. С тех пор мне даже страшно отправлять за ней слежку, когда она сбегает из Дворца.

Народ знал о побегах принцессы Марии из дома. Именно после одного из таких походов принцесса вернулась во Дворец к отцу со второй жизнью под сердцем.

Долго скрывать беременность принцессы не получилось. Она сама поспешила поделиться с народом своей радостью.

В тот день на всю Императорскую семью легла печать позора.

Грязное клеймо!

– Я безутешен, пастор Джозеф. Что мне нужно делать? Как мне ее вразумить?

– А чего вы ждете от своей дочери? Послушания и примерного поведения? Не смешите меня! В ее возрасте от девочек такого ждать совсем не стоит!

– И что вы предлагаете, пастор Джозеф? Ждать пока она перерастет этот скверный возраст, и ее дурной характер изменится? Думаете, что-то поменяется после рождения ребенка?

Пастор Джозеф всячески старательно избегал упоминания о незаконно зачатом плоде принцессы Марии, но Император Селиван сам первый свернул разговор в ту степь, которую пастор Джозеф счел жестким табу. Он не хотел лишний раз травмировать Императора, напоминая ему о неприятной ситуации.

– Нам не дано знать о планах Создателя, Селиван. Возможно, эта беременность – большое испытание для вашей дочери и для вас. Я бы на вашем месте рассчитывал на все то лучшее, что может случиться. Кто знает – может, вы окажетесь правы, и рождение ребенка все изменит?

– Я не представляю, что мне делать с этим бастардом... я даже... не знаю, кто он! Понимаете? Я не знаю, как мне к нему относиться...

– А почему бы вам не отнестись к нему, как к внуку?

– Незаконнорожденному внуку...

– И все же часть вашей крови течет в нем.

– Очень малая часть.

– Вы – Император. И в вашей власти дать ему титул и свою фамилию. Законы имеют свойство меняться, разве нет?

– Мне страшно подумать, как среагирует народ, если я сделаю этого ребенка полноправным наследником. Все эти мысли так гнетут меня! Я совсем запутался!

– Я понимаю, Селиван, что мнение народа для вас важно. Но сейчас речь идет о вашей дочери и ее ребенке. Предлагаю, решить этот вопрос после рождения малыша. А пока...

относитесь ко всей этой ситуации с полным пониманием ее причин. Мария – трудный ребенок, который потерял мать и оказался в таком невыгодном положении. Кроме того, не забывайте ставить себя на ее место! Она – принцесса, человек известный и публичный. От нее много требуют, а в силу своего возраста она не желает соответствовать этим навязчивым требованиям.

Несколько раз Император Селиван собирался перебить пастора Джозефа, и вот теперь у него появилась эта возможность:

– Вы предлагаете мне дать ей больше свободы, пастор Джозеф? Я и так потерял над ней всякий контроль! Она все реже ночует дома, понимаете?! Я не представляю, как мне разговаривать с собственной дочерью! Ах, не дай вам бог иметь таких дочерей...

– Постарайтесь отражать ее же слова ей самой.

– «Отражать»? Что вы имеете в виду?

– Передавайте ей то, что получили от нее, а затем вставляйте что-то свое, давая понять, что вы слышали ее точку зрения.

– И как мне это сделать?

– Давайте потренируемся. Скажите мне что-то, что вам часто говорит ваша дочь.

Император ответил без промедления, как будто всегда был готов ответить на подобный вопрос.

– Я хочу жить своей жизнью и делать все так, как я хочу.

Пастор выпрямил спину, театрально покашлял и ответил:

– Я понимаю, что ты хочешь жить своей жизнью и делать то, что ты хочешь, но...

Пастор кивнул в сторону Императора и добавил:

– ...но ты – принцесса, и у тебя есть определенные обязанности, которые необходимо выполнять. В остальном же никто не запрещает тебе жить так, как ты хочешь.

– А я не хочу быть принцессой! – Император играл роль своей дочери.

– Ты не хочешь быть принцессой, но ты же понимаешь, что никому не под силу это исправить? Надо ценить то, что имеешь. Тебе открыт весь мир.

Взгляд Императора просиял. Он не ожидал, что можно так говорить и отвечать на запросы, которые он слышит каждый день.

– Пастор Джозеф! Это потрясающе! Я не представлял, что так можно! Ах, спасибо вам большое! Как же вы меня выручили! Благодарю вас, святой отец, благодарю! Вы – настоящий психолог! Священник-психолог!

– Надеюсь, этот прием поможет вам при общении с вашей дочерью в следующий раз.

– Поможет! Обязательно поможет! Я буду стараться налаживать с ней контакт и внимательно слушать, что она мне говорит.

– Совершенно верно! Не забывайте про активное слушание. Проникнитесь ее ситуацией и задавайте встречные во-

просы. Дайте ей понять, что вы, действительно, слушаете ее, понимаете то, что она вам хочет сказать. Вы должны быть полностью вовлечены в нее и в ее проблемы. Понимаете?

– Да, пастор Джозеф! Абсолютно! Как же я мог быть так недалёковиден?! Вы словно открыли мне глаза!

Двое вышли из исповедальни и крепко обняли друг друга, как хорошие друзья, завершив этими объятиями свою встречу.

– Теперь мне остается лишь незаметно вернуться во Дворец, чтобы никто не увидел Императора, шастающего по дворам. Ах, меня же сразу сравнят с Марией! Люди будут говорить, мол, яблочко от яблони не далеко упало. Вот, где собака зарыта! Черт побери! Этого мне совсем не хватало!

При упоминании «черта» Император трижды перекрестился.

– Еще раз премного вам благодарен, пастор Джозеф! Мне пора возвращаться.

– Всего вам наилучшего, Ваше Величество. Да хранит вас и вашу семью Создатель.

Император, откланявшись перед пастором, направился скорым шагом к выходным дверям. Пастор Джозеф, осмотрев зал своей Церкви и приняв хавшись, сделал вывод:

– Надо бы нарвать еще розмарина...

* * *

– Герцог, прекрати! – возмущенно вскрикнул Доктор Смерть. – Эй, Одноглазый, убери своего любимца!

– Герцог, ко мне! Ко мне, мальчик! Хватит лезть к Дэзу! Давай ко мне! Ко мне, малыш!

Черный варан взмахнул хвостом, отпрыгнул от Доктора Дэза и быстро подбежал к своему хозяину, радостно дыша, высунув длинный язык. Одноглазый Варан погладил Герцога по прочной кожаной чешуйчатой шее.

– Молодец, Герцог, хороший варан! Хороший мальчик!

– Лучше иди погуляй с ним!

– А скоро Кексик приготовит рулеты с корицей?

– Вот пойди и проверь!

Одноглазый Варан надел на шею Герцога ошейник и позвал за собой своего питомца – ящера.

– Давай, Герцог! За мной! Пойдем гулять! Гулять пошли быстро! Быстро! Гулять идем!

Одноглазый Варан увел Герцога из комнаты и захлопнул за собой дверь. Анчоус, закончив наблюдать за происходящим, устало вздохнул и перевернул страницу с книгой, на обложке которой значилось: «Руководство по изгнанию бесов».

– Так, о чем ты со мной хотел поговорить?

Доктор Дэз запрыгнул на кровать, где его ждал Экзорцист для личного разговора.

– Эй, Анч, ты будешь с нами?

– Говорить о недоступных женщинах и своих болезненных чувствах? – переспросил Анчоус, оторвавшись от книги. – Пожалуй, воздержусь.

– Как знаешь! Черт с тобой! Давай, Экз! О чем ты хотел меня спросить?

Экзорцист замялся, не решаясь начать разговор на личную тему.

– Ты же давно знаешь Рыжую Бестию?

– Не так давно, как Анчоус. Он у нас появился самым первым в Церкви.

– Да, знаю, но он... не так близок с ней, как ты.

– Ага! Так вот, в чем дело! Я тебя понял!

– И что ты думаешь?

– Если тебе нравится Бестия, то, мой друг, тебе придется несладко.

– Почему? В чем дело?

– Ты слегка припозднился, приятель.

– «Припозднился»?

– Ага! Как бы так сказать, что б не сильно обидеть...

Доктора Смерть опередил Анчоус и первым взял на себя роль вестника с плохими новостями:

– У нее уже есть молодой человек.

Экзорцист поник.

– В общем... да, – кивнул Доктор Дэз, – у Бестии есть парень.

– А почему она с ним не видится? – не понимал Экзорцист.

– У них так все сложно! Слушай, мне как-то Сирена рассказывала, что Бестия и ее МЧ...

– МЧ?

– Молодой человек. Так вот... Бестия и ее парень решили пожить раздельно и какое-то время заняться своими жизнями. Словом, отдохнуть друг от друга.

– «Отдохнуть»? Они так надоели друг другу?

– Сирена говорит... Эй, Анчоус, что она там говорила про Бестию и ее парня?

Анчоус снова тяжело вздохнул. Ему не нравилось, когда его отрывали от чтения. Поправив очки на носу, он спокойно дал ответ Доктору Дэзу:

– На расстоянии любовь крепчает.

– Точно! – воскликнул Доктор Смерть. – Слово в слово! Я – твой должник, Анчоус!

– Уже в седьмой раз за сегодня...

– Так что, Экзорцист, если хочешь завоевать сердце нашей прекрасной Рыжей Бестии, то тебе придется подвинуть ее МЧ. Понял меня?

– Эх... да, понял... спасибо вам, ребята...

Дэз, заметив расстроенный взгляд товарища, подсел к нему ближе и похлопал по плечу.

– Эй! Ты чего раскис? Ты здесь, Экзорцист! А ее парень где-то там! Вообще мне кажется, что она его стесняется, раз ничего не рассказывает. Даже Сирена мало знает про их отношения. Уверен, что не далек день, когда они расстанутся, и Бестия будет твоей! Вот увидишь!

– Хотелось бы верить...

* * *

– Апельсинка! Быстро слезь со стола!

Белая Сирена грозно шикнула на рыжую кошку. Та выгнула спину, махнула хвостом и гордо спрыгнула со стола в кресло.

– Долго там еще, Кексик? – спросила у нее Рыжая Бестия. – Я уверена, что мальчишки уже голодные!

Кексик бросилась к духовке, приоткрыла крышку, и ей в лицо ударил горячий воздух. Закрыв крышку, она на носках развернулась к Бестии и замахала руками:

– Еще три минуточки! И все – можно доставать! Они просто чудесны!

Она послала Бестии воздушный поцелуй и зажмурила глаза, предвкушая готовность своих рулетов с корицей.

– Вот и отлично!

Белая Сирена уперлась локтями о стол и взяла из миски одну крупную ягоду черешни, а затем надкусила ее и сплюнула косточку в пустую миску.

– Если честно, Кексик, то я просто обожаю твою выпечку! Сама я, конечно, держу на себя на диете, но перед твоими рулетами с корицей... невозможно устоять...

Последнюю фразу она выделила особенно эротической интонацией.

– Все только для вас, мои дорогие! Только для вас! – ответила ей в том же настроении Кексик.

– Кстати, Бестия, ты со своим Чарли давно не созванива-

лась?

– Нет. Уже месяц прошел, а что?

– Да так... просто решила узнать есть ли какие-то новости.

– Если появятся, то вы узнаете о них первыми. Обещаю. Пока нам с ним... так спокойнее. Мы с Чарли решили, что должны пожить отдельно друг от друга. Надеюсь, это пойдет нашим отношениям только на пользу.

– А ты не боишься, что он может присмотреть кого-то другого, пока тебя нет рядом? – нерешительно спросила Кексик.

– Глупости! Я верю Чарли! Уверена, что он не предаст меня...

Кексик и Белая Сирена, заметив озадаченный взгляд Бестии, переглянулись.

– Прямо так уверена? – Сирена выгнула бровь.

– Да, уверена! И хватит об этом!

– Как скажешь!

Сирена отвлеклась от разговора и взяла в рот еще одну черешню.

Апельсинка спрыгнула с кресла, подбежала к духовке и стала принюхиваться.

– Она уже чувствует! Чувствует, что все готово! Хе-хе! Сейчас достанем! Давай, вали отсюда!

Бестия взяла Апельсинку на руки, убрав ее подальше от духовки. Кексик выключила газ и открыла крышку – комнату наполнил жаркий аромат корицы и свежее испеченного хлеба.

– Ах, bellissimo! – пропела Кексик. – Вы чувствуете этот запах?

– Он прекрасен! Давай скорее! – поторопила ее Сирена.

Кексик надела рукавицы-прихватки и достала их духовки противень с рулетами с корицей. Она перенесла противень на газовую плиту и закрыла духовку.

– Все готово! Можно звать остальных!

– А Бродячую Сову кто-то будил? – спросила Сирена.

– Я пыталась, – призналась Бестия, – все тщетно, ей богу! После того, как она под утро возвращается, ее до вечера не разбудишь! Кексик, ты же оставишь ей парочку рулетов?

– Ух! Это зависит от Варана! Если Сове не достанется рулетов, то пусть разбирается с ним, а не со мной!

Трое весело засмеялись. Сирена помогла Кексику переложить рулеты с корицей в отдельную чашку. Бестия занялась приготовлением чая с бергамотом.

– А как новая картина Совы? – спросила у Бестии Сирена. – Ты ее видела?

– Она накрыла ее тканью. Ума не приложу, что она рисует на этот раз, но очень интересно увидеть!

– Раз она спит, то давайте прокрадемся в ее мастерскую и посмотрим? – Кексик коварно потерла ладошки.

– Ага, и в этот раз случится чудо – Сова проснется, почувствовав, что кто-то хочет лицезреть ее детище раньше полной готовности! – бросила ей в ответ Сирена.

– Ах, ты права!

Бестия закончила делать чай и объявила остальным:

– У нас все готово! Пора звать мальчиков!

Кексик коварно подмигнула ей и указала хитрым взглядом на чашку с рулетами.

– Прямо так и позовем сразу?

Все трое переглянулись.

– Вы думаете о том же, о чем и я? – улыбнулась Белая Сирена.

Три девушки переводили взгляды то друг на друга, то на рулеты. Все трое сорвались в один миг с дружным возгласом:

– Только по одной штучке! Диета все-таки!

Пиццерия «О, мой бог!»

– Йорм изменился.

– После выборов Президента? Это точно! Я вообще не узнаю этот город, Фрэнсис!

– И что это за история была с принцессой? Куда делись Леконты? Она же была беременна, помнишь?

– То еще время! Когда народ узнал, что их принцесса, императорская дочь, наследница престола, Мария Леконт, вынашивает плод от незаконного соития... ух, что началось!

Вдалеке еще слышался шум фейерверков. Фестиваль не думал заканчиваться.

Двое друзей шли вдоль набережной и наслаждались своей светской беседой.

– Этот Фестиваль Фейерверков совсем не похож на другие. Что скажешь на это, Эрнест?

– Ты прав, Фрэнсис, ты прав! В этом году особенно много фейерверков. Такого шоу Йорм давно не видел. Помню Фестиваль того года, когда Император Селиван взошел на престол. Я еще совсем мелкий был в ту пору. Ах, какие же тогда были красивые фейерверки!

– Хочешь сказать, что сейчас хуже?

– Напротив! Йорм достиг своего уровня и теперь готов прыгать выше головы!

Эта была ночь ежегодного Фестиваля Фейерверков –

праздника, когда на улицу выходит весь город.

Фрэнсис, спрятав руки в карманах брюк, вальяжно шагал по набережной. Одетый в ванильный костюм с красной бабочкой на шее, он блестел голубыми глазами. Его золотистые волосы, зачесанные назад и с четким пробором, переливались в лучах желтого света уличных фонарей.

Рядом, не менее расслаблено, шел Эрнест. Будучи ниже ростом своего спутника, он также казался более полным из-за мешковатой шерстяной бурой кофты, русых пышных всклокоченных волос и бороды. Эрнест одевался куда проще своего друга, а потому носил не туфли, а обыкновенные кеды. Прикуривая сигарету, он смотрел на этот мир добрыми карими глазами.

Обоим товарищам недавно стукнуло уже по тридцать пять лет. Познакомились они еще молодыми на первом курсе института и с тех пор не расставались, начав свою совместную карьеру в мире литературы.

– Знаешь, что я тут подумал, Эрнест?

– И что же?

– Нашелся бы кто-то, кто знал о тех событиях, связанных с принцессой Марией Леконт! Из этой истории вышла бы неплохая книга! Что скажешь?

– Хочешь написать о темных временах Йорма? Говорят, там были замешаны всякие демоны! Из самой Огненной Генны!

– Это часть нашей истории, Эрнест, нашего города. Да,

не спору, пятнышко темное, неприятное, туманное... но так ведь даже интереснее! Ты же помнишь наше правило? Помнишь же, Эрнест? За сегодня ты выкурил всего одну пачку, так что я рассчитываю на трезвость твоего ума.

– Конечно, я помню, Фрэнсис! Лучшие сюжеты берутся из реальной жизни. Но кто... кто может знать о тех темных днях, начавшихся после беременности принцессы? Имена очевидцев тех событий скрываются слишком надежно! Все держится в секрете, будто династии Леконт... не существовало!..

– Прошло не так много времени с тех дней. Это случилось у нас под носом! Под носом у всех жителей Йорма! Как мы с тобой вообще умудрились это упустить из поля своего внимания? Мой друг, мы просто обязаны раскрыть эту тайну, пока не стало слишком поздно!

– Поздно? Ты, о чем?

– Нам нужно узнать все секреты раньше, чем это сделает кто-нибудь еще!

За спинами у двоих прогремели новые выстрелы. Они остановились и подняли взгляды к черному небу, на котором рассеивались сотни ярких разноцветных огней.

Фестиваль Фейерверков – ночь, когда фейерверки пускали до рассвета, – считался самым красивым праздником в Йорме, так любимым его жителями.

На главной площади устраивали настоящее шоу фейерверков, заполнявшее все небо над городом.

– Я проголодался, Эрнест. Надо бы перекусить. Как думаешь, мы найдем новое место, где вкусно кормят и подают освежающие напитки?

Эрнест развернулся, застыл и пробормотал:

– О, мой бог...

– Что? Что случилось, Эрнест?!

Фрэнсис уже было испугался, что стряслась какая-то неприятность, которую он не заметил, но друг поспешил его успокоить:

– Нет-нет! Ты не понял! Это название пиццерии! «О, мой бог!» Не помню я такой пиццерии на этой набережной... а ты, Фрэнсис?

– Ого! Похоже, ты нашел новое место! Давай пойдем туда и проверим. От пиццы, если честно, я бы сейчас точно не отказался.

Эрнест докурил сигарету и выбросил окурок в ближайшую урну.

Двое друзей ускорили шаг и направились к маленькому зданию на набережной. Вывеска, изображавшая пиццу с отломанным треугольным кусочком, ярко светилась, а желтая надпись «О, мой бог!» внушала доверие.

– Клянусь всеми пиццами «Пепперони» мира! Я никто не видел здесь эту пиццерию.

– Они точно открылись совсем недавно. Мы часто здесь гуляем, Эрнест, и не могли пропустить ее из виду. Давай же опробуем это место?!

Они вошли внутрь, и над дверью зазвенел приятный звон колокольчика, оповещающий о прибытии посетителей. Как оказалось, пиццерия еще не закрывалась на ночь. Глупо было закрываться в ночь Фестиваля Фейерверков, когда люди, проголодавшись после незабываемых ярких зрелищ, бросаются к закусочным и кафе, чтобы утолить свой ночной голод.

В эту ночь все жители Йорма напрочь сбивали свой режим дня! Это касалось и сна, и питания.

Скромный небольшой зал освещал желтый свет. Вокруг стояли милые деревянные столики, застеленные красными скатертями. На стенах висели странные картины, изображающие причудливые формы и необычные игры красок. За стойкой находился стеллаж с напитками.

Вокруг никого не оказалось. Фрэнсис и Эрнест сели за стойку на высокие стулья и взяли меню, так любезно оставленное на каждом столике.

– Простите за опоздание!

Из кухни вышел пожилой мужчина в белом фартуке и в желтой форме. Приятный на вид, старик держал в руках блокнот и ручку.

– Добро пожаловать в пиццерию «О, мой бог!». Мы недавно открылись, так что нуждаемся в посетителях и хороших отзывах.

– Доброй ночи, скажите, вы не закрываетесь на ночь? Мы с моим другом очень проголодались и хотели бы задержаться у вас, – объяснил ситуацию Фрэнсис.

– Закрыться в ночь Фестиваля Фейерверков?! – старик задорно посмеялся. – Никогда не подумаю, что жизнь доведет меня до такого греха! «О, мой бог!» сегодня будет открыт всю ночь! Вы сказали, что сильно голодны? Ах, у нас есть пиццы на любой вкус! Можете попробовать нашу новинку – «Монастырская».

Эрнест и Фрэнсис довольно переглянулись, изучая представленное меню.

– Ох, нам бы что-то более сытное! – ответил Фрэнсис.

– И желательно острое, – добавил Эрнест.

– Ах, тогда вам точно подойдет еще одна наша новинка – «Дьябло-Дьябло». Острее и сытнее этой пиццы вы не сыщите во всем Йорме!

Эрнест и Фрэнсис изучили состав пиццы, найдя ее на третьей странице в меню.

– Это другое дело! Очень впечатляет! Мы попробуем! – решил Фрэнсис.

– Отличный выбор!

Старик сделал запись в блокнотике.

– Что-нибудь еще?

– Раз уж мы так голодны, мой друг, то выбирайте еще пиццу! Сегодня Фестиваль Фейерверков, в конце концов! Гулять – так гулять!

Эрнест с горячим удовольствием взял книгу с меню в свои руки и принялся изучать состав одной пиццы за другой, кусывая нижнюю губу.

– Как насчет пиццы... «Мясной мир»?

– Покажи-ка!

– Это будет самая мясная пицца, которую вы когда-либо пробовали! Попробуйте – не пожалеете!

– Да, мы берем!

– Какой вам размер? Тридцать, тридцать пять или сорок сантиметров?

– Все по сорок!

– Прекрасно! А что будете пить? У нас есть отличное пиво и сидр!

Двое друзей смачно щелкнули языками.

– Мм... сидр? Звучит заманчиво! Что скажешь, Фрэнсис?

– Я давно не пил сидр. Дайте нам два яблочных сидра!

– Сей момент! Что-то еще?

– Ночь только начинается! Для начала, чтобы разогреть аппетит, нам вполне хватит.

Откланявшись, старик вернулся на кухню, чтобы передать заказ. Фрэнсис заметил, что в зале играла приятная музыка группы «KronkSTONE». Обстановка в этой пиццерии оказалась воистину расслабляющей.

– Какой же у нас план, Фрэнсис? – обратился к нему Эрнест.

– Ты, о чем?

– О нашей новой книге, конечно! Где мы найдем тех, кто сможет нам рассказать о жизни принцессы Марии Леконт и о том, что с ней случилось?

– Пока не знаю, Эрнест, но я уверен на все двести процентов, что такие люди есть! Возможно, их прячут. Возможно, их даже заставили подписать договор о неразглашении. Но вот, что я тебе скажу, мой друг: мы их найдем! Чего бы нам это ни стоило, мы найдем этих людей и раскроем эту тайну!

– Ох, какая у тебя уверенность!

– Еще бы! Я весь горю! Я весь в предвкушении того, что нас ожидает. Поверь, Эрнест, это будет что-то грандиозное! Если мы напишем книгу о том, что на самом деле случилось принцессой Леконт... нам позавидуют все писатели Йорма! От писем из издательств не будет отбоя! Я верю, дружище, что нас ждет ошеломительный успех!

На этой ноте в зал вернулся официант и принес на подносе два больших стакана яблочного сидра.

– Ваш сидр, господа! Пиццы будут готовы через двадцать минут.

– Спасибо большое!

Фрэнсис и Эрнест, взяв стаканы, дружно чокнулись. Фрэнсис произнес короткий тост:

– За успех, мой друг!

– За успех!

И двое отпили.

– Ох! Это великолепно! – среагировал сразу Эрнест.

– А я вам что говорил?! Это самый лучший сидр в Йорме!

– Вы так же говорили и про пиццу.

– А у нас все самое лучшее!

– Знаете, в другом случае, я бы сказал, что хозяин слишком нахваливает свое заведение и переоценивает свой товар, но сейчас... черт побери, вы правы! Это самый лучший сидр из всех, что я когда-либо пробовал! Я еще не отведал вашей пиццы, но чувствую, что мне не стоит в ней сомневаться! Уверен, что она окажется такой же великолепной и чертовски вкусной!

– Ох, благодарю за столь щедрый комплимент.

Фрэнсис и Эрнест отпили еще, наслаждаясь дивным вкусом прохладного напитка в это знойное лето.

– Прошу простить мне мое любопытство, – старик заговорил с ними в нерешительности, – но мне показалось, что вы обсуждали минувшие деньки, когда еще существовала Императорская династия Леконт. В частности, вы упомянули о принцессе Марии.

– Вы правы, – кивнул Фрэнсис, – видите ли, мы с Эрнестом не просто лучшие друзья. Мы – соавторы. Мы пишем книги.

– О! Как это интересно! Честно слово – впервые вижу перед собой настоящих писателей! Потрясающе! Сегодня у меня сразу несколько праздников! Позвольте мне позжать ваши руки?

– Пожалуйста!

Двое друзей обменялись рукопожатиями с официантом.

– Мы хотели бы посвятить нашу следующую работу тайнам жизни и загадкам исчезновения Марии Леконт, – про-

должил Эрнест, — но нам нужны люди, которые могут что-то знать о минувших темных событиях прошлого.

— Ох... раз такое дело!..

Старик подвинул себе высокий стул и присел. Теперь двоих друзей от официанта отделял узкий стол и два стакана яблочного сидра.

— Полагаю, я смогу вам помочь, — сказал старик, — так вышло, что я располагаю информацией, в которой вы нуждаетесь.

— Правда?! — Фрэнсис изумленно выгнул бровь. — Быть того не может!

— Поверьте. Когда я вам расскажу эту историю до конца, то сомнений в моей искренности у вас не останется.

— Вы знаете о тайнах жизни Марии Леконт?

— И да... и гораздо больше, чем просто об исчезновении или смерти, как об этом говорит «официальная» версия... я знаю о тех, кто в этом виноват...

Фрэнсис и Эрнест с интересом подвинулись ближе, ведь старик стал говорить гораздо тише, почти шептал.

Если он, действительно, знал тайны прошлых дней, когда Йормом правила династия Леконт, то в руки Фрэнсису и Эрнесту может попасть сенсационный материал!

— Первым делом, скажите, вы что-нибудь слышали о Восьми Призраках Йорма?

От голоса старика у двоих товарищей по спине пробежала дрожь.

– Я точно слышал о них... – задумался Фрэнсис, – один человек мне даже рассказывал о том, что видел их! Их, правда, всего восемь... они одеты в черные костюмы, а их лица перевязаны. Открыты только глаза. Мне говорили, как Восемь Призраков Йорма пробежали по крыше здания, а затем скрылись в ночи.

– Говорят, это восемь демонов, призванных следить за порядками в Йорме.

– Или восемь апостолов...

– Или восемь духов, появляющихся только по ночам...

– Говорят, что они – убийцы, очень страшные и опасные люди...

– А кто-то утверждает, что они и не люди вовсе!

– Я слышал, как о них говорили, как о ночных стражах Йорма.

– Но кто они такие так и не удастся никому узнать. Восемь Призраков Йорма – еще одна темная страница истории нашего города. Их почти никто не видел, но все слышали об их существовании. Кто их видел – выстраивал жуткие гипотезы и чудовищные предположения. Кто-то же врет, что видел их. А кто-то даже говорил о том, что видел, как один из Призраков снял маску и показал свое лицо... его слова сразу приняли за бред сумасшедшего!

– В Йорме ходит много слухов и легенд о Восьми Призраках, но никто не знает, кто они такие на самом деле.

Все это время официант с интересом выслушивал самые

разные версии, которые Эрнест и Фрэнсис выдвигали о Восьми Призраков Йорма. А в завершении, он посмотрел на двоих писателей, как на неразумных маленьких детей.

– Вы правы лишь в том, что Восемь Призраков Йорма – большая загадка. Слухи ходят совершенно разные. Очень хорошо... новый вопрос. Вы знаете, кто такие душепопечители?

– Конечно! – всплеснул Эрнест руками. – Они нечто вроде... священников-психологов. Люди обращаются к ним за помощью в различных проблемах, личных, семейных и духовных. Да... это нечто вроде духовных психологов. Часто они принимают звонки и консультируют людей по телефону. Все является совершенно секретным, как разговор с пастором на исповеди.

Официант довольно улыбнулся.

– Вы совершенно правы! Все так и есть. Тогда у меня есть последний вопрос... Вы слышали о Церкви душепопечительства на улице Бримо?

Двое озадаченно переглянулись. Они явно не понимали подвоха. Вопрос оказался слишком простым.

– Конечно, да! – дружно, но растерянно ответили друзья.

– А почему вы это спрашиваете? – решил уточнить Фрэнсис и развеять свое недопонимание.

Старик соорудил хитрую гримасу и дал свой ответ:

– Потому что именно там начинается эта история...

Краткая Сводка душепопечителей

Прозвище: Ходячая Старость

Настоящее имя: Джозеф

Рост: 1,78 м

Возраст: 65 лет

Внешность: седые короткие волосы, острая бородка и короткие усы, серые глаза.

Одежда: черная ряса с белым воротником, очки в круглой серебристой оправе.

Семейное положение: не женат, не влюблен.

Особые навыки и таланты: экзорцизм, душепопечительство, стрельба, мудрость, смекалка.

Прозвище: Экзорцист

Настоящее имя: не известно

Рост: 1,87 м

Возраст: 21 год

Внешность: русые короткие волосы, спортивное телосложение, карие глаза.

Одежда: джинсы, зеленый свитер в полоску с темно-зеленым цветом, кроссовки.

Семейное положение: влюблен, не женат, в отношениях не состоит.

Особые навыки и таланты: экзорцизм, душепопечительство,

ство, стрельба, ловкость, сообразительность, играет в бейсбол.

Прозвище: Рыжая Бестия

Настоящее имя: Джейн

Рост: 1,78 м

Возраст: 20 лет

Внешность: рыжие кудрявые пышные длинные волосы, зеленые глаза, лицо усыпано веснушками.

Одежда: свободная темно-зеленая рубашка, завязанная на поясе и с закатанными по локоть рукавами, светло-коричневые шорты и белые кроссовки, носит очки в белой оправе.

Семейное положение: влюблена, не замужем, состоит в отношениях.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, стрельба, скорость, смекалка.

Прозвище: Доктор Смерть (Доктор Дэз)

Настоящее имя: Бенджамин

Рост: 1,85 м

Возраст: 20 лет

Внешность: белые густые волосы с челкой, левый глаз желтый, а правый – зеленый, бледная кожа, на руках и теле имеются черные татуировки змей, иероглифов и черепов.

Одежда: черная толстовка с красным капюшоном, темные обтягивающие джинсы, кеды.

Семейное положение: влюблен, не женат, в отношения не состоит.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, стрельба, ловкость, юмор, пение, играет в бейсбол.

Прозвище: Белая Сирена

Настоящее имя: Карнелия

Рост: 1,76 м

Возраст: 20 лет

Внешность: белые волосы, прическа – каре, голубые глаза.

Одежда: мешковатая белая толстовка, светлые джинсы, сандалии, на запястьях браслеты, носит кольца и серьги.

Семейное положение: не замужем, не влюблена.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, ловкость, пение, юмор.

Прозвище: Анчоус

Настоящее имя: Кристиан

Рост: 1,90 м

Возраст: 22 года

Внешность: худой, короткие темные аккуратно причесанные и прилизанные направо волосы, бледная кожа, длинные пальцы, черные глаза.

Одежда: белая рубашка, темно-зеленый костюм, черные галстук, темные туфли, носит очки в черной прямоугольной оправе.

Семейное положение: не женат, не влюблен.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, стрельба, начитанность, высокий интеллект и сообразительность, играет в бейсбол.

Прозвище: Бродячая Сова

Настоящее имя: Лея

Рост: 1,83

Возраст: 21 год

Внешность: чрезмерная худоба, длинные черные распущенные волосы, темные глаза, бледная кожа, татуировка в виде роз и змей на правой руке.

Одежда: черная футболка, черная кожаная куртка, черные обтягивающие джинсы, черные сапожки и пирсинг в носу.

Семейное положение: не замужем, не влюблена.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, стрельба, рисует картины, ночная активность, дар убеждения, сарказм, играет в бейсбол.

Прозвище: Одноглазый Варан

Настоящее имя: Даниэль

Фамилия: де Линт

Рост: 1,70 м

Возраст: 19 лет

Внешность: короткие растрепанные рыжие волосы, пра-

вый глаз зеленый, левый закрыт повязкой, склонен к полноте, есть веснушки.

Одежда: белая футболка с принтом в виде красного черепа, джинсовая куртка с закатанными по локоть рукавами, светлые джинсы с потертостями, кеды.

Семейное положение: не женат, не влюблен.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, способность к дрессировке варанов, юмор, финансовая поддержка.

Прозвище: Кексик

Настоящее имя: Анастасия

Рост: 1,61 м

Возраст: 18 лет

Внешность: розовые волосы с фиолетовыми кончиками, каре по плечи, голубые глаза, пухлые щечки.

Одежда: рубашка в красно-черную клетку, ванильная короткая юбка (выше колен), белые туфельки.

Семейное положение: не замужем, не влюблена.

Особые навыки и таланты: душепопечительство, выпечка, юмор.

Глава 2. Бейсбол на церковном дворе

За Церковью душепопечительства на улице Бримо находился просторный дворик, рядом с рассадой розмарина, на котором располагалось небольшое бейсбольное поле.

Экзорцист уже занял позицию питчера на питчерской горке и подкидывал в руке мяч. Напротив него на домашней базе с битой стоял Одноглазый Варан в роли баттера – отбивающего. За Вараном в шлеме и с перчаткой сидел Доктор Дэй в роли кетчера. За ним с книгой в руке стоял Анчоус в роли судьи, который должен следить за тем, как отбивают или ловят мяч.

На базах инфилда стояли девочки: Белая Сирена, Рыжая Бестия и Кексик. Бродячая Сова все еще спала и не пришла на тренировочную игру. Обычно Сова присоединялась к девочкам в роли «шорт-стопа».

Герцог грелся на палящем солнце в стороне, наблюдая за ходом игры.

Экзорцист заметил, как тряслись колени Варана, и бросил ему:

– Сегодня мы потренируемся с тобой, Варан! Ты должен научиться отбивать мяч. Посвятим сегодняшний день именно твоей тренировке.

– Ох, опять я! – возмутился Одноглазый Варан.

– Ты же хочешь научиться играть в бейсбол?

– Ну, да... хотелось бы...

– Тогда хватит ныть, Варан! Нужно пробовать! Все готово?

– Есть, сэр! – ответил Доктор Дэз.

– Ах, ни минуты покоя, – Анчоус закрыл книгу и поправил очки на носу.

Девочки, заметив зажатость Одноглазого Варана, решили его поддержать. Первой начала Кексик:

– Ты все сможешь, Варан! Вспомни, как вчера «Белые Пантеры» уделали «Стальных Волков». Давай так же!

– Это была отличная игра! – кивнул Дэз. – Но ничто не сравнится с противостоянием «Йорм Крест» и «Айс Лис» в прошлом году... вот это было настоящее зрелище!

– «Йорм Крест» лучше всех! – ободряюще крикнул Экзорцист.

– Давай, Варан, ты все сможешь! – ободряюще крикнула ему Белая Сирена. – Мы должны в следующем году сделать этих наглых «Рэд Рэтс»! Мы в тебя верим, Варан!

Экзорцист приготовился к броску. Он твердо смотрел на Варана. Тот согнул ноги в коленях, обхватил битую битой двумя руками и приготовился отбивать мяч.

– Готов?

– Ага...

Замах... и бросок!

– Страйк! – вердикт Анчоуса.

Дэз поймал мяч.

– Не замахивайся, Варан! – бросил ему Экзорцист. – Не замахивайся!

– Я постараюсь!

Дэз бросил мяч обратно Экзорцисту.

Новый взмах и...

Бросок.

– Страйк!

– Ты опять замахиваешься, Варан! Не замахивайся! Следи за мячом, Варан! Просто следи за мячом!

– Давайте еще раз!

Мяч снова у Экзорциста.

Поддержка девочек не ослабевала:

– Ты сможешь, Варан! – Белая Сирена.

– У тебя все получится! – Кексик.

– Ты – лучший! – Рыжая Бестия.

– Будь как Стивен из «Йорм Крест», Варан! – поддержал друга Дэз. – Сделай это!

Подготовка к броску.

Взмах и...

– Страйк-аут! – голос Анчоуса.

– Черт! – Варан гневно взмахнул битой. – У меня никогда не получится! Я с одним глазом вообще не могу попасть по мячу!

– Эй! Давай пробовать еще раз! Ты готов?

Одноглазый Варан обреченно выдохнул и взглянул в сторону девочек – они держали «кулачки» за него.

– Ты все сможешь, Варан! Давай еще раз!

Варан кивнул, и Дэз бросил мяч Экзорцисту.

– Просто следи за мячом, Варан, и не замахивайся, понял меня?

Варан кивнул.

– Не замахивайся! Ниже держи биту. Давай.

Экзорцист замахнулся, бросил мяч, Варан махнул битой и...

– Страйк!

Мяч у Дэза.

– Проклятье!

– Неплохо, уже очень даже неплохо! Давай еще раз!

Мяч у Экзорциста. Взмах и...

– Страйк!

– Аргх! У меня никогда не выйдет!

– Ты сможешь, Варан! – Белая Сирена.

– Пробуй еще раз! – Кексик.

– Мы в тебя верим! – Рыжая Бестия.

Мяч у Экзорциста.

– Варан, – сказал он другу, – у тебя все есть для того, чтобы отбить мяч. Сейчас почти все получилось. Просто сосредоточься и сделай это. Как Стивен из «Йорм Крест». Давай!

– Хорошо, Экзорцист! Я сделаю это!

– Да, Варан! Вперед! – запрыгала на месте Кексик.

Экзорцист делает взмах.

По лбу Варана стекает пот.

Дэз уже был готов поймать мяч, как вдруг...

Бросок, удар, и мяч летит ввысь.

– Получилось! – обрадовался Варан.

– Беги, придурок! – бросил ему Дэз и толкнул в зад.

– Беги, Варан! Давай, беги! – звучала поддержка от девочек.

Одноглазый Варан рванулся с места и побежал к базам. Первая база, вторая база...

Девочки дружно смеялись, прыгали на месте и выкрикивали:

– Беги, Варан, беги! Ты сможешь! Беги скорее! Беги, Варан!

Дэз и Экзорцист, переглянувшись, стали весело смеяться, наблюдая за счастливым выражением Варана, который уже пробежал все три базы, коснулся их и вернул к ним, а потом... упал на траву и распластал в стороны руки и ноги.

– Отличная работа, дружище! – Дэз подбежал к Варану и дал ему руку. – Ты сегодня справился. Стивен из «Йорм Крест» нервно курит в сторонке. Ты – наш лучший баттер, Варан. Давай, вставай, чемпион!

Девочки взяли со скамеек бутылочки и воды и раздали их вспотевшим мальчикам. Дэз, Варан и Экзорцист жадно глотали воду под палящим солнцем.

– Сколько времени? – поинтересовалась Бестия.

Анчоус взглянул на свои наручные часы ответил:

– Уже три часа. Нам пора возвращаться в душепопечительский центр и продолжать работу.

– Ты прав, – тяжело выдохнул Экзорцист, – мы хорошо потренировались сегодня. Еще вечером выйдем с тобой, Дэз, и погоняем Варана. Что скажешь?

– Я в деле!

– Давайте переодеваться и за работу.

* * *

Одноглазый Варан, вытирая шею от обильного пота белым полотенцем, вошел в душепопечительский центр и с ходу высказал:

– Кто-нибудь откройте окно! Как же жарко! Ах... уже открыто...

Просторное помещение заполнял солнечный свет, щедро льющийся из распахнутых окон. Среди книжных стеллажей, заставленных томами и свитками, расставленными в логической последовательности, за которой следил Анчоус (и постоянно проводил влажную уборку), стояло восемь столов.

Все восемь они образовывали ровный прямоугольник. Три стола напротив троих и два стола по одному с правой и левой сторон. Центр прямоугольника пустовал, но пустое пространство оказалось необходимым – ничего не мешало обмениваться взглядами и разговаривать друг с другом. Каждому из членов команды принадлежал свой стол. Пустовал только один – стол Бродячей Совы.

На каждом столе размещался стационарный телефон, книга Священного Писания, личный журнал, канцелярский набор и... личные вещи хозяина стола. Так, Экзорцист не обходился без бутылочки воды, а Одноглазый Варан без тарелки с пончиками. Стол Дэза завален пачками из-под чипсов и проводами от наушников. Даже сейчас он расслабленно трапезничал чипсами с сыром и слушал группу «Силиус & Пий». На столе у Анчоуса царили идеальный порядок и чистота – ничего лишнего. Белая Сирена не могла обойтись без наборов косметики и карманных зеркалец. Рыжая Бес-тия помимо отдельного журнала любила вести личные записи, а потому на ее столе имелось еще несколько тетрадок, блокнотов и богатый набор ручек и карандашей. Как Кексик ни старалась, но на ее столе вечно царил творческий беспорядок. Каждый день там появлялось что-то новое. Она вечно искала свои записи и журналы. Слишком много разных ненужных вещей, которые она считала просто необходимыми! Стол Бродячей Совы полностью разрисован. Испортив крышку стола, она стала стелить белые скатерти и рисовать на них, а потом коллекционировать изрисованные скатерти. Кроме телефона, журнала и карандаша с ручкой у нее ничего не было – требовалось много свободного места для творчества.

Дальняя часть комнаты представляла собой настоящую библиотеку, где хозяйничал Анчоус. Это его личный алтарь.

– Вы слышали новую песню Ширы? Правда, классная? –

обратилась ко всем Сирена, напилывая ногти.

– Шира?! Да-да! Я ее просто обожаю! – воскликнула Кексик. – А новый клип ТиаРа? Это просто что-то!

– Я тоже его посмотрела вчера, – вставила Бестия, – очень странный, но ей это идет, в ее стиле.

Услышав разговор о музыкальных предпочтениях, Дэз не смог долго оставаться в стороне.

– Вы Ширу слушаете? Вы чего? Ти-Ј и «Мидори» – вот короли современной музыки!

– Ага, сказал человек, который вечерами слушаешь «PYSIC» и «Тонк-Тонк», – подметила Сирена.

– Чего-чего? – удивилась Кексик.

– И что с того?! – возмутился Дэз. – Они классные!

– Ой, молчал бы уже!

– Ничего вы, девчонки, не понимаете в музыке!

– Ага, и в колбасных огрызках не разбираемся.

– Вот-вот!

Доктор Дэз демонстративно заткнул уши наушниками и закрыл глаза, чем вызвал бурный смех троих девушек.

– Апельсинка, иди сюда! Куда ты вечно убегаешь? Ну-ка...

Кексик взяла кошку на руки и принялась тискать. Уравновешенный Герцог послушно лежал возле стола своего хозяина – Одноглазого Варана.

Бестия, почувствовав немислимый жар, взяла свой журнал и использовала его в качестве веера.

– Нам бы не помешал здесь вентилятор или кондиционер, – подумала Сирена, – у меня весь лак просто плавится! Последние два лета в Йорме выдались особенно жаркими.

– Говорят, что это только начало, – вставил Варан, – пик жары обещают на следующей неделе.

– Ох, я же не выдержу!

Анчоус, убрав книгу на полку, высказал свое предложение:

– Мы можем поговорить об этом вечером с Ходячей Старостью. Думаю, он поддержит нас и что-нибудь придумает.

– Да, верно! Поддерживаю! – Одноглазый Варан не выпускал полотенце из рук.

А потом раздался звонок. Это был телефон Экзорциста.

– Ой, все, работаем, работаем, девочки, – Сирена поспешила скорее закончить с маникюром.

Экзорцист взял трубку и вежливо произнес:

– Вы попали в душепопечительский центр Церкви на улице Бримо. Экзорцист слушает вас. Говорите.

Следующее, что услышал Экзорцист, заставило его позабыть о жаре, о бейсболе, о молодом человеке Рыжей Бестии и вообще о своем собственном существовании.

Все в нем сжалось, когда голос в трубке ответил:

– Я сейчас спрыгну с моста! Помогите мне!

Голос дрожал. Человек на той стороне заливался слезами.

– Эй, Экз, что такое? – Дэз заметил бледное выражение лица товарища.

Тот прикрыл ладонью трубку и шепотом ответил:

– У меня суицидник на проводе.

Это сигнал чрезвычайной ситуации. Все тут же вскочили со своих мест и ломанулись к столу Экзорциста.

– Включай громкую связь, – сказал ему Анчоус.

Экзорцист нажал на нужную кнопку, и теперь все слышали дрожащий голос из трубки:

– Я... уже на самом краю... так тянет вниз... помогите... мне страшно... но я не хочу больше жить...

Ребята начали жестами показывать Экзорцисту, что ему следовало ответить, но в такой стрессовой ситуации его сознание полностью отключилось.

Он заговорил в трубку:

– Скажите мне, как вас зовут?

– Билли...

– Очень хорошо, Билли. Послушайте меня. Создатель подарил вам эту жизнь, как самый важный дар. Творец никогда не посылает нам тех испытаний, с которыми мы бы не справились. Расскажите мне, что у вас случилось.

– Моя жизнь... кончена... я ничего не хочу... понимаете? К черту Создателя! К черту всех Творцов! Просто скажите... что там...

– «Там»?

– Я не хочу жить, но я не хочу страдать после смерти... моя карьера разрушена, моя жена ушла от меня, мои дети... погибли в автокатастрофе, в которой виноват только я!.. я не

могу так больше... не могу! Спасите! Умоляю!

Экзорцист искал спасения у друзей. Он совершенно не представлял, что ему следует говорить.

– Надо его как-то успокоить, – шепнула Сирена.

– В такой ситуации нельзя успокаивать человека, который намеревается убить себя, это может только ускорить процесс, – вставил Анчоус.

– И что ты предлагаешь? Помочь ему прыгнуть? – ответил жестко Дэз.

Но у Анчоуса не нашлось решения.

– Только не молчи, говори ему что-нибудь, – посоветовала Рыжая Бестия.

Экзорцист счет это единственным верным решением. Но только... если бы он знал, что надо говорить!

Он забыл обо всех инструкциях на такой экстренный случай!

– После черной полосы всегда наступает светлая, Билли. Возможно, сейчас у вас должна начаться новая жизнь.

– Нет никакой жизни! Ничего нет! Как же вы не понимаете? Вы ничем не можете мне помочь!

– Билли, не вздумайте прыгать! Нет! Не надо!

– Аа-а! Я не могу больше!

– Билли! Послушайте меня! Билли!

А потом... раздался другой голос:

– Дай мне трубку.

Перед ними стояла Бродячая Сова собственной персоны.

Она... проснулась...

Экзорцист послушно передал трубку Бродячей Сове, не сказав ни слова. Она взяла ее и заговорила:

– Эй, ты! Как тебя зовут? Билли, да?

– Да... а кто это говорит?..

– Тот, кто скажет тебе, что тебя ждет на той стороне, если ты сейчас прыгнешь с моста, Билли.

Билли промолчал.

– Ты боишься попасть в Ад, Билли?

– Да-да... боюсь...

– А ты попадешь туда! Ты попадешь в самое Пекло, и твоя душа будет жариться там целую вечность, Билли! Ты же знаешь, что ни одна Церковь не согласится отпеть самоубийцу? Знаешь это, Билли?

– Да-да... знаю...

– А потому ты окажешься на раскаленных камнях, Билли! Полностью голый! Тебя ничего не защитит от жуткого жара. Ты когда-нибудь обжигался кипятком, Билли?

– Да-а...

– Вспомни хорошенько все эти ощущения, Билли. Вспомни, как ты обжегся кипятком и как больно тебе было. Это же случится со всем твоим телом! Но не будет холодной воды, чтобы унять боль. Это никогда не закончится. Ты меня понимаешь, Билли? Кипяток будет вечно терзать все твое голое тело, каждую его часть: руки, живот, спину, ноги, голову, твои половые органы. Ты бы хотел опустить свои половые

органы, в кипятилок Билли?

– Нет...

На этой ноте Сирена и Анчоус вцепились в Сову, пытаюсь вырвать у нее телефон. Все понимали, что сейчас она нарушает все правила работы душепопечителя и действует совсем не по инструкциям.

Но Сова не дала им и шанса отнять у нее трубку.

– Если хочешь знать, что там, то я тебе скажу, Билли. Я тоже пыталась убить себя, и это была самая большая ошибка в моей жизни. Я уже видела Пекло, Билли. Я почти вошла в него, но меня вытащили и вернули к жизни. Понимаешь меня, Билли? Я вернулась и стала гораздо умнее. Я выбросила все это дерьмо из головы и начала новую полноценную жизнь. И знаешь, что, Билли? Я счастлива! Да, поверь мне, сукин сын! Я счастлива!

Анчоус предпринял вторую попытку отнять у Совы телефон, но теперь уже в него вцепился Дэз, не давая ему помешать тому, что делала Сова.

– Вытри свои сопли об штаны и начинай новую жизнь, Билли. Найди новую работу, займись любимым делом, воплоти свою мечту. Любовь, семья, дети – все приложится. Сначала займись собой, Билли. Ты меня слышишь? Займись собой и выкинь все это дерьмо о прыжке с моста из головы. Ты – хороший парень, Билли. У тебя все получится. Никому не нужны твои половые органы в кипятке, так что возвращайся домой и начинай жить заново. Вот увидишь – ты

считаешь таким же счастливым, какой стала и я. Слышишь счастье в моем голосе? То-то и оно! Ты меня понял, Билли?

– Да...

– Что ты понял?

– Надо вернуться домой и начать новую жизнь.

Голос Билли заметно окреп. Услышав это, Анчоус оставил свои тщетные попытки помешать Бродячей Сове.

– Правильно! И ты...

– Непременно сделаю это! Да! Сегодня же! Ах, спасибо вам большое! Спасибо!

– Удачи, Билли. И пусть Создателя в свое сердце, не забудь.

– Да, да, конечно! Я непременно схожу в церковь.

– Вот и умница, Билли.

На этом разговор Совы и Билли закончился. Он передала трубку Экзорцисту, и он положил ее.

В комнате повисла звенящая тишина. Сова осмотрела своих товарищей, а те взирали на нее с широко открытыми глазами и отвисшими челюстями.

– Вопросы есть? – обратилась она ко всем.

– Ты же понимаешь, что нарушила десяток... нет – сотню правил душепопечительства! – не выдержал Анчоус и выплеснул все свое недовольство.

– Но я спасла человеку жизнь. Думаю, это искупит все нарушения, о которых ты сейчас говоришь. Билли жив. Разве это не самое главное?

– В общем-то... да...

– Тогда вопросов больше нет? Я спать.

Бродячая Сова уже хотела уйти, но Рыжая Бестия не сдержалась и спросила:

– Сова!

– Да, моя Бестия?

– Ты говорила правду, когда сказала, что сама пыталась... ну...

– Вы тут все с дуба рухнули или как? Я ему навешала лапши на уши, лишь бы этот придурок Билли не прыгал с моста. Это наша работа, не так ли? У меня свои методы убеждения. И заметьте – они работают.

Рыжая Бестия, осознав, что Бродячая Сова никогда не пыталась убить себя, облегченно выдохнула и заулыбалась.

– Ах! Вот же я дурочка! Такое подумала... Сова, ты великолепна! Как же тебе это удастся?!

– Я просто вру и не краснею.

– Ты спасла человеку жизнь!

– Ну, да, бывает иногда... И что с того?

– Это надо отпраздновать! – радостно воскликнула Кексик. – Давайте закажем пиццу, позовем Ходячую Старость, устроим посиделки?

Остальные с радостью поддержали эту затею.

– Мы так давно не собирались! – Доктор Дээ. – Это нужно отметить! Ты права, Кексик! Так... я за купонами для пиццы!

– Это прекрасная идея! – всплеснула руками Сирена. – Ходячая Старость будет гордиться тобой, Сова!

Но у нее имелось на этот счет иное мнение:

– Мне достаточно и того, чтобы вы дали мне поспать. Черт с вами! И так уже разбудили!

– Ударьте меня, если я не прав! – заулыбался Одноглазый Варан. – Бродячая Сова проведет с нами день! День!

– Ребята, надеюсь, вы помните правило Ходячей Старости насчет пиццы? – обратился ко всем Дэз.

Остальные дружно ответили ему:

– Пицца без кагора – не пицца!

История Экзорциста

Я очнулся ночью под проливным дождем.

Обнаружив собственное распластанное тело, лежащее на асфальтированной дороге, в ночь под сильным нескончаемым ливнем, я пришел в ужас.

Широко распахнув глаза, я начал жадно глотать холодный воздух, захлебываясь крупными дождевыми каплями.

В левой ноздре я почувствовал неприятную влагу, в ушах гудело, во рту я ощущал противный солоноватый привкус. Коснувшись пальцами левой ноздри, а затем приложив кончик пальца к языку, я почувствовал вкус ржавчины.

Кровь.

В тот момент я ничего не понимал.

Мое сознание оказалось лишено любых воспоминаний обо мне самом.

Кто я?

Как меня зовут?

Как я здесь оказался?

Откуда я пришел?

Что со мной случилось?

Слабость наполняла каждую мышцу моего тела. Я с трудом встал на ноги и чуть не упал, поскользнувшись о лужу на гладких камнях.

Я вытер кровь, стекающую на треснутые губы из носа и

осмотрелся. Меня окружал ряд простых домиков, на которых висели таблички с надписью: «Улица Бримо».

Где это я?

Голова раскалывалась. Меня всего разрывало в клочья от жуткого незнания.

Незнания всего, что связано со мной.

Перешагивая через лужи, я продвигался вперед по незнакомой мне улице незнакомого мне города, незнакомой мне страны. На мне только джинсы и синяя рубашка с закатанными по локоть рукавами. Вся одежда промокла до нитки.

В затылке гудела ноющая боль.

Что же случилось со мной?

Осмотревшись снова, я обнаружил рядом с собой здание церкви. Подумав, что там я смогу найти кров на эту ночь, я поднялся по скользким каменным ступенькам и постучался в деревянную черную дверь.

Пусть там будет хоть кто-то!

Хотя бы послушник или простой дьячок!

За спиной сверкнула ослепительная молния, озарив белым светом все изгибы, трещины и неровности на деревянной двери церкви.

А затем... грянули оглушительные раскаты грома.

Земля содрогнулась.

На той стороне двери слышались скорые шаги. Мне сильно повезло. Через несколько мгновений зашуршали цепи и замки. Одна половина ворот со скрипом открылась, и я

увидел пожилого мужчину в темной рясе священника.

Он осмотрел меня с ног до головы.

– Позвольте мне сделать смелое предположение, молодой человек. По вашему виду, нельзя сказать, что вы пришли помолиться в столь поздний час. Что вас привело в Церковь душепопечительства на улице Бримо в такое время?

Сначала я не знал, что говорить.

Я не мог представиться, не мог объяснить ситуацию... и все по одной причине – я просто ничего не помню.

– Где я? – вырвалось у меня.

Священник нахмурился, но дал ответ:

– Ты на Валерии, в Йорме.

– В Йорме?! Ах...

Как же меня сюда занесло?

Благо – я не покинул Валерию и остался в своей стране.

– Как вас зовут, юноша? – спросили у меня.

Черт!

– Я...

Не мог ответить...

– Я...

– Не стоит вам вспоминать свое имя под проливным дождем. Давайте пройдем внутрь, и вы мне все расскажите в тепле и уюте.

Он открыл двери шире, и я проскользнул внутрь. Когда священник закрыл ворота, звуки грозы затихли.

Я оказался в просторном пустом темном церковном зале.

Через широкие окна внутрь проникали белый свет вспышек молний. В воздухе стоял приятный нежный запах розмарина.

Священник зажег толстую свечу на подставке, взял ее с собой, и мы пошли с ним вперед, к иконостасу.

– Меня зовут пастор Джозеф, – представился священник.

– Очень приятно, но, боюсь, я не смогу представиться в ответ, пастор Джозеф.

– Почему же?

– Дело в том, что я...

Я замер.

На меня внимательно посмотрели.

Глаза пастора Джозефа показались мне добрыми, полными заботы и нежности.

– Не помню своего имени.

– Вот как?!

Он выгнул бровь.

– Очень любопытно! А что ты помнишь?

– Ничего из того, что связано со мной. Несколько минут назад я очнулся неподалеку от вашей церкви на дороге под дождем. Я не знаю, как оказался здесь, что происходило в моей жизни до этого момента и, разумеется, не помню своего имени.

– Но ты знаешь о Валерии, о Йорме, не так ли? Значит ли это, что ты не лишился всех воспоминаний?

– Вы правы. Я помню все об этом мире и о том, как он устроен. Но я не помню ничего, что связано со мной самим.

– Очень любопытно...

Его теплая рука коснулась моей спины, и мы продолжили с ним наш путь меж рядов скамеек, сделанных из красного дерева.

– Сегодня праздник – День Святого Льюиса. Как думаешь, Создатель позаботился о том, чтобы ты попал сюда именно в этот день? Ты не откажешься от имени Льюис?

– Льюис?

– Да. Как оно тебе?

– Вполне... подходит...

– Мне тоже кажется, что тебе подходит имя Льюис, Льюис. В тот момент я обзавелся новым именем.

– Присаживайся сюда, Льюис.

Мне предложили сесть на первый ряд с краю. Обстановка в этом зале оказалась спокойной и умиротворяющей. Я чувствовал, как все проблемы и невзгоды мои отступали.

А рядом с этим человеком я ощущал защиту, какую чувствует младенец на руках у матери.

– Подожди меня здесь, Льюис. Я отлучусь на пару минут, чтобы сделать тебе чай. Заблудившемуся путнику, забывшему о своей жизни и не знающему о своей судьбе, следует подавать горячие напитки. Что скажешь?

– Я скажу, что это правильно, пастор Джозеф. Это хорошее правило.

Он весело посмеялся в ответ, и его седая борода забавно затряслась.

– Я скоро вернусь, Льюис. Не скучай. Здесь ты в полной безопасности. Возможно, лики святых помогут тебе что-нибудь вспомнить. Кто знает, в стенах этой Церкви творятся разные чудеса.

Я лишь вежливо улыбнулся в ответ.

Пастор Джозеф покинул зал и оставил меня наедине со своими мыслями и моей искалеченной обокраденной памятью.

Я сидел там, в церковном зале, втягивал благовония их розмарина, смотрел на лики святых на иконах и не мог ничего вспомнить, сколько бы усилий ни прикладывал.

Пустота.

И ничего больше.

Валерия... Йорм... Церковь душепопечительства на улице Бримо...

Все это мне казалось до боли знакомым, словно я бывал здесь раньше.

Но почему я не помню ничего о себе самом?

Кто я такой? Как оказался там, под дождем? Почему судьба-проказница привела меня сюда?

Что происходило в моей жизни до этого момента?

Единственное, что я теперь знал о себе благодаря пастору Джозефу, так это... свое имя.

Льюис.

– Отче, смилуйся надо мной и помоги мне вернуть свои воспоминания. Ответь, кто я такой? Зачем я здесь? Что слу-

чилось?

Я помолился Создателю, но результат оказался неутешительным.

До возвращения пастора Джозефа я старался прийти в себя. Боль и гудение ушли из ушей. Тело уже не болело. Кровь из носа не текла, но я чувствовал сухую корку над верхней губой.

Пастор Джозеф принес чай, печенье, теплые полотенца и сухую одежду.

– Держи, Льюис.

Я без стеснения разделся, представ перед ликом святых в нагом виде, вытерся насухо полотенцем и надел сухие джинсы, теплый зеленый свитер и совсем новые кеды, которые как нельзя лучше подошли под мой размер стопы.

– Горячий чай с бергамотом, лимон, сахар, печенье с имбирем и молочный шоколад. Угощайся, Льюис.

Я сложил мокрую одежду и влажные полотенца в отдельную стопку и отложил в сторону. От пастора Джозефа меня отделял поднос с чаем и разными вкусностями, которые он принес.

– Спасибо, пастор Джозеф.

– Подожди-ка, Льюис...

Он вынул из кармана чистый белый платок и вытер мне верхнюю губу.

– Теперь все чисто.

– Это была кровь?

– Скорее всего, да, это кровь.

Ничего не сказав, я взял кружку с чаем и печенье. Наконец я ощутил хоть какой-то приятный вкус во рту, кроме той соли и ржавчины.

Откуда же соль?..

– Очень вкусно! Благодарю.

– Угощайся, Льюис. Скажи, тебе не удалось что-нибудь вспомнить о себе?

Я покачал головой.

– Как будто мое сознание кануло в пустоту. Сколько бы я ни старался, ни одно воспоминание обо мне самом, о моей жизни, о людях, которых я знал, не возвращается ко мне. Я словно... только что родился. Кто-то стер из моей памяти все воспоминания о моей жизни. И я не имею представления о том, как их восстановить. Что мне делать, пастор Джозеф?

– Пока я не могу тебе ответить на этот вопрос, Льюис. Для начала подкрепись и отдохни. Тебе нужно набраться сил. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Когда-нибудь ты узнаешь о том, кем был рожден и какая судьба тебе уготована.

– Создатель же знает ответы?

– Да, Льюис, знает, но так просто он их не скажет нам. Придется постараться, чтобы узнать правду.

– Я готов стараться. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы... вспомнить все. Кто я, зачем меня послали сюда, откуда я взялся...

– Ты справишься, Льюис. А сейчас пей чай, это важно.

Чай с бергамотом, действительно, оказался очень вкусным. Он наполнил мое тело былой силой. Я ощутил крепость в собственных мышцах и костях. Слабым оставалось лишь мое сознание, неспособным восстановить утраченные воспоминания.

Мы с пастором Джозефом сидели в этом зале в полной тишине. Время от времени внутрь проникал свет молний, а капли дождя усиленно барабанили по окнам. На иконы столбиками падал серебристый лунный свет.

Пастор Джозеф прошелся по залу и зажег несколько свечей, чтобы добавить освещения. Я уже допил свой чай и доел четвертое печенье с имбирем, как в двери Церкви раздался стук.

Услышав его, мы с пастором сразу же переглянулись.

– Судя по всему, сюрпризы в эту дождливую ночь на кануне Дня Святого Льюиса еще не заканчиваются.

Вместе с пастором я прошел к дверям, и священник приоткрыл ворота. На пороге под занавесом проливного дождя мы увидели двоих прихожан.

– Пастор Джозеф! Пастор Джозеф! Хвала Создателю! Вы здесь!

Это воскликнула молодая светловолосая женщина, одетая в темный кожаный плащ. Поверх она надела зеленый дождевик, но ее волосы все равно промокли и спутались. В зеленых глазах я заметил настоящий жуткий и неподдельный страх.

– Сабина! – воскликнул пастор Джозеф. – Милая моя, я

совсем не ожидал вас здесь увидеть в такой час! Что случилось, дитя мое?

Тушь у Сабины потекла от слез. Бледное лицо подрагивало.

– Вы должны помочь нам! Только вам под силу исправить это, пастор Джозеф! Ах, как же мне страшно! Это просто невыносимо! Я так боюсь за него...

И только в тот момент я заметил мальчика, лет пяти, стоящего рядом с Сабиной. Светлый и красивый, он тоже одет в дождевик, но желтого цвета. В красных резиновых сапожках и синих не промокающих штанишках, маленький сынишка Сабины неподвижно стоял у ворот церкви. Его взгляд опущен вниз. Пальцы сжаты в кулачки.

– Что случилось с Томми, Сабина? Что с вашим сыном? Томми... посмотри на меня!

Но ребенок не поднял взгляда.

– Вы понимаете, о чем я, пастор Джозеф?

Грянул гром.

Пастор Джозеф все понимал.

– Мы должны это сделать как можно быстрее, Сабина. Сейчас же! Нельзя терять ни минуты!

– Да, пастор Джозеф! Да! Прошу! Помогите нам, пока не стало слишком поздно...

– Проходите скорее в Церковь! Скорее, скорее!

А потом случилось нечто невероятное, к чему я оказался совершенно не готов. Сабина подтолкнула своего сына Том-

ми к воротам церкви, и вдруг... мальчик резко оторвался от земли и отлетел прочь от дверей святого места, перелетев через дорогу.

Он упал на асфальт и несколько метров прокатился на спине по лужам.

Сабина в ужасе ахнула и закрыла рот руками.

– Томми! – из матери вырвался удушающий стон. – Томми! Сыночек! Томми!

Мальчик в желтом дождевике неподвижно лежал на другой стороне улицы.

– Они не пускают его в церковь, – сообразил пастор Джозеф, – нужно сделать это в другом месте. Сабина, придется ехать к вам домой. Вы на машине?

Она кивнула.

– Помогите Томми, посадите его в машину, а я возьму все необходимое и приду к вам. Мы поедем к вам домой, и я все сделаю. Договорились?

– Да, пастор Джозеф!

– Тогда за дело.

Сабина рванулась к своему ребенку, все еще лежавшему на асфальте. Мы с пастором Джозефом вернулись в церковь. Он быстро шагнул к иконостасу.

– Что с этим мальчиком? – я не сдержал свое жгучее любопытство, а потому прямо спросил.

Ответ заставил меня замереть от ужаса.

– Демоны.

В зал прорвался ослепительный свет молнии.

– Демоны?

– Да, Льюис, каким-то образом демоны завладели сознанием и душой этого мальчика Томми. Сегодня ночью мне придется их изгнать из него.

– Изгнать?

– Провести ритуал экзорцизма. Ты ведь знаешь, что это такое, Льюис?

– Слышал. Изгнание демонов из человека. Вы это умеете?

– Было время, когда я только этим и занимался. Надеюсь, я не растерял былую хватку.

Пастор Джозеф вошел в алтарь за всем необходимым, а я остался в зале, чтобы его дожидаться.

– Ты мне поможешь, Льюис? – услышал я его голос из алтаря.

– Я?..

– Мне понадобится помощник, чтобы справиться с этой задачей. У тебя есть силы, Льюис? Этот ритуал потребует от нас обоих много сил. Я сразу предупреждаю тебя, Льюис, что эта ночь окажется очень тяжелой. Скажи мне, ты готов?

Если Создатель поможет мне вернуть мои воспоминания взамен на помощь мальчику Томми, то я готов пойти на такой риск.

– Я помогу вам, пастор Джозеф.

– Ты абсолютно в этом уверен, Льюис? Если согласишься сейчас, то обратного пути не будет. Я не имею права за-

ставлять тебя смотреть злу прямо в глаза. Если отправишься со мной, то именно это тебя и ждет. Подумай хорошенько, Льюис.

Я уже все решил.

– Я иду с вами, пастор.

– Хорошо. Тогда понесешь это.

Мне вручили пятилитровую канистру с водой. Пастор Джозеф нес в руках увесистое серебряное распятие и книгу Священного Писания.

– Что это?

– Святая вода, Льюис. Для изгнания демонов ее понадобится немало. Давай поспешим к Сабине. В таких делах время играет против нас. Чем дольше демоны сидят внутри Томми, тем сильнее они овладевают им. Это означает, что нам будет труднее вытащить их из него и отправить назад, в Огненную Геенну, из которой они вышли.

В тот момент, когда я вышел из Церкви душепопечительства на улице Бримо с баклажкой святой воды, пробежал под пождем и сел в машину Сабины на заднее сиденье, я осознал: моя жизнь вот-вот изменится раз и навсегда.

Именно это и случилось.

Томми, пристегнутый ремнем, сидел впереди рядом с матерью. Сабина за рулем, а мы с пастором разместились на задних сидениях.

Не теряя ни минуты, Сабина вдавила педаль «газа».

– Как это случилось, Сабина? Когда вы заметили измене-

ния в поведении Томми?

Первым делом пастор Джозеф решил разобраться с тем, как получилось, что демоны залезли в сознание и душу Томми.

– После последних выходных, – Сабина дала ответ сразу, будто ждала его, – сначала я сама не могла сопоставить все факты, но потом разобралась. Мы отдыхали в Крестах. У нас там есть летний домик. Томми с другими ребятами пошел играть в сторону ущелья. Вообще я всегда запрещала ему туда ходить. Там очень опасно. Это не место для детских шалостей. Но вы же сами знаете этих детей! Они пойдут именно туда, куда им запретят.

– Запретный плод сладок.

– Именно так! Томми играл в этом ущелье и куда-то провалился. Остальные ребята не смогли его вытащить и побежали за помощью взрослых. Я и несколько мужчин из деревни пришли к ущелью, чтобы вытащить Томми, но...

Сабина неожиданно замолчала. Она с болью сглотнула, с тяжестью вспоминая события тех выходных.

– Томми уже шел к нам навстречу со стороны ущелья. Он выбрался сам...

– Или ему помогли, – вставил пастор.

От этой мысли меня росило в дрожь.

«Помогли...»

Помочь Томми могли только демоны, вселившиеся в него в том ущелье.

– Тогда Томми перестал быть похожим на самого себя. Он подолгу молчал и лишь изредка отвечал на вопросы. В один день все пришло в норму, и я успокоилась. Я вновь смотрела на Томми, на своего сына, как на того мальчика, который отправился играть с друзьями. Все было хорошо, но этим утром... этим утром все началось, пастор Джозеф. Я сразу поняла, что опасность не миновала.

– Демоны зашевелились в нем... Спасибо, Сабина, я вас понял. Единственное, что остается неопределенным, так это то, как демоны оказались в том ущелье. Почему они покинули свое пристанище? Как им это удалось?

– Возможно, они знают нужные пути и тайные проходы?

– Может быть, Сабина, но я в этом сомневаюсь. С той стороны проходы запечатаны.

– С той стороны? – это уже мои слова. – Вы хотите сказать...

– Верно, Льюис. Вероятнее всего, им кто-то помог попасть в наш мир.

В ту ночь нам так и не удалось выяснить, как оказалось возможным бегство демонов из Огненной Геенны и их проникновение в наш мир. Эти вопросы требовали ответов, но еще не пришло время найти их.

Тогда у нас стояла задача первостепенной важности – изгнание демонов из Томми.

Приехав в дом Сабины, мы незамедлительно приступили к делу. Пастор Джозеф отдавал команды.

– Нужно положить его в постель. Отнесите Томми в его комнату. Сабина, нам понадобятся крепкие ремни или веревки. Мальчика придется привязать к кровати.

– Я все принесу. Как скажите, пастор Джозеф.

Сабина несла Томми на руках. Мы поднялись на второй этаж дома и вошли в комнату мальчика.

Оказавшись на пороге, Сабина в ужасе ахнула.

В комнате стояло множество распятий. Но сейчас все они оказались перевернуты. На полу лежали разбитые и потрескавшиеся иконы с ликами святых. Осколки статуэтки, прежде изображавшей человеческое воплощение Создателя, лежали прямо на одеяле.

– Какой ужас...

На стенах детской комнаты я заметил жуткие трещины.

В следующий миг окно распахнулось от сильного ветра, занавески раздулись, а внутрь ввалился дождь.

– Льюис! Окно!

Услышав команду, я выполнил ее беспрекословно. Оставив баклажку со святой водой, я бросился к распахнутому окну. Пришлось приложить усилия, чтобы победить сильные порывы ветра и захлопнуть окно.

– Кладите Томми на кровать, принесите нам веревки и быстро уберите из комнаты все распятия и разбитые иконы. Мы с Льюисом поможем вам.

Мы начали незамедлительно действовать.

Пока пастор крепко привязывал Томми к постели ремня-

ми и веревками, мы с Сабиной быстро убрали из комнаты все распятия и битые иконы.

Через несколько минут пастор был готов провести ритуал экзорцизма.

Комната убрана, Томми, обтянутый ремнями и связанный по рукам и ногам, лежит на кровати. Демоны в нем начали сопротивляться. Они почувствовали, что рядом находится тот, кто может их прогнать, а потому... Томми начало трясти.

– О, боже! – из глаз Сабины хлынули слезы.

– Мы немедленно начинаем! – скомандовал пастор Джозеф. – Сабина, я прошу вас выйти из комнаты и закрыть дверь. Вы достаточно помогли. Позвольте нам с Льюисом закончить дело.

Поначалу Сабина не хотела оставлять своего сына наедине с нами. Она сильно переживала, и ее можно было понять, но убедительный тон пастора Джозефа заставил Сабину подчиниться.

Женщина вышла из детской и захлопнула дверь.

Опустилась тишина. Плотное закрытое окно не пропускало звуки грозы. Мы слышали лишь недовольные стоны Томми, тщетно пытавшегося вырваться из своих пут. Он отчаянно дергал руками, ногами и извивался всем телом.

– Я вас слушаю, пастор Джозеф. Что мы должны сделать?

– Давай начнем, Льюис. Итак, нам нужно прочитать вот эти страницы Священного Писания. Прочитать нужно все

слова в той последовательности, в которой они располагаются. Если собьемся или перепутаем строчки – ничего не выйдет. Придется начинать с самого начала. Пока читаешь эти страницы, надо держать распятие в другой руке и показывать его Томми. Он должен его видеть. И последнее... твоя задача, Льюис, будет заключаться в том, что ты должен обрызгивать Томми святой водой. Возьми вот эту чашку, да. Черпай ей воду из бутылки и поливай ею Томми.

– Куда лить?

– Не имеет большого значения, но желательно на лицо и открытые участки кожи. В любом случае по окончании ритуала тебе придется всего обмочить Томми и вылить на него все пять литров святой воды. Так что брызгай без стеснений. Это важно.

– Как часто это повторять?

– По одной такой кружке каждые десять секунд будет достаточно. Если что-то пойдет не так, я кивну тебе. Тогда ты должен это делать чаще. После последней фразы, когда я закончу читать, ты должен взять всю бутылку и вылить на Томми все остатки святой воды, что у нас останутся. После этого ритуал должен быть завершен. Ты готов, Льюис?

Я налил в чашку первую порцию святой воды и только сейчас осознал весь объем работы, который меня ждал. Действовать придется быстро и интенсивно.

– Да, пастор Джозеф. Начинаем.

– Хорошо, Льюис. Приготовься.

Пастор Джозеф открыл Священное Писание в нужном месте, в другую руку взял распятие и показал его Томми...

В тот же миг, когда мальчик увидел распятие, из него вырвался истошный жуткий демонический вопль.

– За дело, Льюис.

И пастор Джозеф начал читать.

– Во Имя Нашего Милостивого Создателя...

Тело мальчика истязали жуткие судороги и конвульсии. На мгновение я даже испугался, что крепкие ремни и веревки, связывающие его, разорвутся.

Следуя инструкциям пастора Джозефа, я опрыснул лицо Томми из чашки святой водой. Когда капли упали на кожу ребенка – раздалось шипение. Влага моментально испарилась, соприкоснувшись с кожей Томми, словно она была раскалена, как горячая сковорода на газовой плите.

В воздух хлынули струйки горячего пара.

Томми верещал и ревел.

Я зачерпнул новую порцию святой воды. Пастор Джозеф продолжал монотонно читать Священное Писание, не опуская руку, сжимающую распятие.

– Да очистится душа твоя, да уйдут все исчадья Ада прочь... Милостивый Создатель, помоги своей грешной душе... исцели дитя свое...пусти святой дух в его тело...

Томми ревел.

Его глаза наливались алым.

Кожа краснела.

Я выпрыснул новую порцию святой воды на Томми. Эффект повторился – вода моментально превратилась в горячий пар.

Успокаивая себя тем, что в таком темпе мы продержимся еще немного времени и спасем мальчика, я продолжал опрыскивать Томми святой водой, окропляя его грудь и руки, пока...

– Ничего у вас не выйдет, жалкие святоши!

Этот жуткий мужской демонический голос вырвался из детских голосовых связок маленького мальчика.

На лице Томми вздулись вены. Кожа его обрела противный желтоватый оттенок, на котором проступали иссиня-черные сосуды, образуя рисунок в виде разветвленной молнии.

– Нас здесь много... вам нас не одолеть...

Много...

В Томми сидит сразу несколько демонов!..

Проклятие!

У нас получится. Мы с пастором Джозефом изгоним их всех!

– Кто вы такие? – зачем-то спросил я.

Пастор Джозеф продолжал читать Писание, не отвлекаясь на то, что я начал говорить с демонами внутри Томми.

Выливаю новую порцию святой воды, снова в воздух поднимаются горячие испарения. Мальчик вопит, а демоны говорят со мной жутким голосом.

– Ты не достоин даже знать наши имена. Вы, людишки, слишком жалки и ничтожны, чтобы постигать тайны мироздания, о которых известно Властелинам Пекла.

– Тайны? О чем вы?

– О тайнах, которые грешные людские разумы наивно хотят знать. Истина о сотворении мира, об устройстве Вселенной и загадках судьбы... Прошлое и будущее...

Выливаю новую порцию святой воды.

Томми ревет.

Пар шипит.

Пастор Джозеф переворачивает страницу.

Я наполняю чашку новой порцией святой воды.

– Вы, мерзкие земные людишки, всегда стремитесь к тому, чтобы найти ответы на извечные вопросы. И порой вы отправляетесь в наше Царство за разгадками тайны Бытия. Многие, многие гости... все они оказались в Геенне, потому что искали ответы... все ответы у нас, в Пекле...

– Это глупо! Никто в здравом уме не отправится добровольно в Ад!

Томми издал жуткий демонический хохот.

– Придет время, и ты сам туда отправишься... да! Вот увидишь, грешная душа, ты попадешь в Геенну снова...

– Снова? О чем ты?

Снова смех.

Я ничего не понимал!

Демоны что-то знают...

Им известно прошлое и будущее. Они знают, что со мной случилось до того, как я оказался этой ночью в дождь на улице Бримо.

Но я не хочу искать ответы... в Аду...

— У вас ничего не выйдет!

Томми широко открыл рот, и... прямо из его рта вырвалась алая струя.

Густая масса крови повисла в воздухе и сформировалась в длинное толстое щупальце. Тело мальчика трясло в адской агонии.

Кожа на лбу и щеках Томми начала медленно отслаиваться и сворачиваться в трубочки. На губах и подбородке появились трещины. Кончики его пальцев почернели. Кожа окрасилась в неприятный болотно-желтый горчичный цвет, а вены разбухли так, что готовы прорваться сквозь тонкий слой кожи.

Пастор Джозеф не отвлекался.

Он усердно читал молитвы, не обращая внимания на алое кровавое щупальце, вырывшееся из рта Томми.

Я вылил новую порцию святой воды на мальчика, и демоны взревели:

— Гадкий священник!

В один миг красное щупальце обратилось в красную руку. На конце появились длинные пальцы с острыми когтями. Красная рука, растущая из рта Томми, рванулась в сторону пастора Джозефа и... схватила его за горло!

Пастор выпустил из рук книгу Священного Писания и серебряное распятие. Красная рука подняла пастора к потолку, сжимая его за горло.

Ох, милостивый Создатель, помоги нам!

Мне...

Пастор Джозеф тщетно пытался вырваться из хватки, болтая ногами и впиваясь руками в красные пальцы, сжимавшие его шею.

– Льюис! – вырвалось у пастора. – Закончи!.. Закончи риту...

И красная рука закрыла ему рот.

Теперь только я могу спасти Томми и пастора Джозефа.

Ах!..

Я быстро бросился к книге и распятию. К великому счастью, мне удалось найти тот момент, на котором пастор Джозеф закончил читать молитвы. Мне не придется начинать все заново. Я закончу то, что начал пастор.

Вооружившись книгой и распятием, я столкнулся с проблемой: у меня недостаточно рук, чтобы держать все атрибуты и поливать Томми святой водой!

Демоны язвительно гоготали.

– Ничего у тебя не выйдет, мальчишка... ты ни на что не способен!.. твоему другу конец!..

Но я не сдался.

Взяв серебряное распятие, я воткнул его между ремней и установил его в вертикальном положении на груди Томми

прямо перед его лицом.

Демоны истошно взревели, увидев распятие прямо перед глазами.

Мне оставалось только читать текст Писания и поливать Томми святой водой. Времени на то, чтобы каждый раз зачерпывать воду в чашку уже не хватало. В правую руку я взял всю бутылку. Буду выплескивать воду прямо из нее.

В книге нахожу нужное место и начинаю читать:

– Да обретет его душа былой покой... да уйдут все бесы прочь из его разума... да не будет осквернена его душа порчей Ада... Милостивый Создатель, пошли в его тело Свою благодать, изгони врагов Своих из него...

Красная длинна рука, сжимающая пастора Джозефа за шею, начала раскачиваться. Пастора ударяло то об одну стену, то о другую.

Потолок покрылся трещинами.

Окно вновь распахнулось от сильных порывов ветра.

В комнату прошел жуткий ливень и ледяной ветер.

Я снова и снова опрыскивал тело Томми святой водой из увесистой бутылки, а в левой руке держал толстую книгу и продолжал читать молитвы...

Позабыв обо всем, что окружало меня, я вошел некое состояние транса, в котором прибывал пастор Джозеф во время чтения Священного Писания. Я забыл обо всех угрозах, нависших надо мной.

Я не слышал звуков вокруг, а лишь продолжал читать

и совершал отточенные механические движения, поливая Томми из бутылки святой водой.

Демоны истошно ревели.

– Прекрати, грязный мальчика! Перестань! Хватит! Хватит!

Я не останавливался.

Переворачиваю страницу – остается всего два абзаца текста.

Скоро... я смогу! Еще чуть-чуть!

Мой голос громче ветра, громе дождя, громче грома.

Красное кровавое щупальце взмахнуло и отбросило прочь распятие, установленное на груди Томми. Я не стал отвлекаться на это. Надеюсь, слов Писания и святой воды хватит, чтобы выгнать всех демонов.

Жуткий голос ругался, выкрикивал грязные проклятия и мерзкие слова, осыпая меня целым потоком брани.

– Ублюдок! Вонючий ублюдок, хватит! Прекрати! Остановись!

Получается...

Еще несколько предложений.

– Да снизойдет на грешную душу благодать Создателя, да очистится его разум и тело от порождений Пекла, да вернется чистое сознание в тело его, да выйдут все бесы прочь и отправятся в Геенну Огненную... Аминь!

Комната содрогнулась.

Все начало трястись: предметы и вещи падали с полок, по

стенам пошли трещины, люстра повисла на тонком проводе, брызнули искры.

Я откладываю Священное Писание в сторону, берусь за бутылку обеими руками и готовлюсь совершить последнюю часть ритуала.

Ко мне медленно ползет истощенное алое щупальце...

Скорее!

Я уже падаю, но выливаю на Томми остатки святой воды из бутылки, обмочив все его тело с ног до головы.

Свет мерцает.

Все трясется.

Демоны ревут.

Я падаю...

Всплеск!

Бум!

И темнота...

* * *

– Он уже приходит в себя.

– Он почти очнулся, да, мамочка?

– Подожди, Томми, дай ему время...

– Ой, он открывает глаза! Открывает!

Я открыл глаза.

На меня смотрели светлые зеленые маленькие глазки и красивое румяное лицо.

Томми.

– Как ты, Льюис?

Это пастор Джозеф!

Я попытался подняться и сесть на диване, на который меня уложили.

– Что... что случилось?..

Сабина и пастор обменялись теплыми улыбками.

– Когда меня схватили, ты закончил ритуал и спас Томми.

Томми... здоровый, милый и веселый мальчик смотрел на меня, широко улыбаясь.

– Они... ушли?..

– Все до одного, – кивнул пастор.

Томми набросился на меня и принялся крепко обнимать, быстро приговаривая:

– Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо!

– Томми, ему нужен покой! – буркнула Сабина.

– Все в порядке, – быстро вставил я, – я очень рад, что тебе стало намного лучше, Томми. Ты был молодцом. Ты крепко держался и не давал им поглотить тебя целиком.

Впрочем, я даже не до конца понимал, что сам сделал.

– Как мне отблагодарить вас, пастор Джозеф?

– Благодарите Льюиса, Сабина. Сегодня он у нас настоящий герой.

Я не принял деньги от Сабины, и пастор тоже отказался от такой большой суммы. Что мы взяли в качестве награды за помощь, так это корзину фруктов и овощей для Церкви.

Попрощавшись с Томми и Сабиной, мы оставили счастливую маленькую семью – мать и сына, – а сами отправились

назад, на улицу Бримо.

Уже начало светать.

Дождь закончился.

Алый рассвет только-только загорался.

Свет заливал залитые улицы, и казалось, что дорожки блестя и серебрились.

Я вдыхал свежий дивный воздух и шел по еще пустому Йорму в сопровождении пастора Джозефа.

Я прокручивал у себя в голове минувшую ночь. Теперь у меня появилось еще больше вопросов, чем ответов.

– Пастор Джозеф.

– Да, Льюис?

– Когда я проводил ритуал, демоны говорили со мной.

– И что они сказали?

– Они говорили, что знают о тайнах Вселенной. Это так?

– Возможно. Полагаю, им известно больше, чем нам, простым смертным людям. Глупо сомневаться в подобном.

– Еще они сказали будто... будто...

Мы остановились, и пастор озадаченно на меня взглянул, намереваясь добиться продолжения.

Я закончил:

– ...будто я вернусь в Огненную Геенну снова... Они говорили так, будто я там уже бывал!

Пастор нахмурился и возобновил шаг.

– Очень любопытно. Боюсь, Льюис у меня нет ответов, которые ты ищешь. Мы с тобой можем лишь гадать, почему

они так сказали. Демоны хитры. Они могли вводить тебя в заблуждение.

– А могли сказать правду?

– Не исключено.

– То есть... чисто гипотетически, я мог бывать в Геенне и не помнить об этом?

– В нашем мире возможно многое. И то, о чем ты говоришь, не является исключением. Когда-нибудь, Льюис, ты отыщешь ответы на все вопросы о своем прошлом. Просто нужно искать.

– Искать? Где?

– Ты поймешь, когда придет время.

Скорее бы оно уже пришло.

Мы оказались на улице Бримо и направлялись к Церкви, когда пастор заговорил снова:

– То, что ты сегодня сделал, Льюис, на самом деле под силу не каждому.

– О чем вы?

– Не у всех есть дар экзорцизма и способность к изгнанию бесов.

– Правда?! Но почему вы...

– Почему я взял тебя с собой и был уверен, что ты закончишь ритуал, если со мной что-нибудь случится?

Да...

– Когда я тебя увидел на пороге Церкви, я разглядел в твоих глазах этот дар. Я сразу понял, что ты способен на чу-

до очищения разума и души от бесов. Да, Льюис. Ты сразу показался мне особенным молодым человеком. Я не могу не пригласить тебя в Церковь, и теперь... я не могу не сделать тебе еще одно предложение.

– Предложение?

– Угу...

На меня хитро посмотрели.

– Скажи, тебе известно что-нибудь о душепопечителях, Льюис?

– Немного... они, как психологи, помогают людям с их проблемами.

– В общем-то да, ты прав. Я думаю, что из тебя вышел бы неплохой...

– Душепопечитель? Вы серьезно? Но мне только двадцать!

– А это должно на что-то повлиять?

Я считал, что душепопечители должны быть люди в возрасте, ведь они обладают тем багажом опыта и мудрости, чтобы помочь нуждающимся в утешении.

– Я уверен, что ты найдешь нужные слова, Льюис, когда кто-то захочет услышать их от тебя. Ты ничего не слышал о Семи Призраках Йорма?

– Нет, пастор Джозеф. Боюсь, что слышу о таких впервые.

– Что ж... я вас познакомлю.

И пастор Джозеф посмеялся про себя и шепнул тихо: «Скоро их станет восемь».

Глава 3. Пицца, кагор и демон в бутылке

– Дээ! Эй, Дээ! На какую пиццу у тебя там купоны?

В душепопечительский центр ворвался Доктор Смерть, перебирая в руках несколько десятков разноцветных купонов.

– Сейчас-сейчас! Это с истекшим сроком годности... не то... тоже не то! Подождите! Вот нашел!

Он выхватил один купон из общей стопки и помахал им.

– Купон на одну бесплатную «Йормскую» пиццу! – провозгласил радостно и торжественно Доктор Дээ, запрыгнув на стул.

– Отлично, Дээ! – Сирена подпрыгнула и выхватила у него купон. – Давай его сюда!

Все собрались между восьмью столами, куда набросали подушек-кресел. Кексик держала на руках Апельсинку и гладила по спинке. Герцог гордо лежал в стороне, внимательно наблюдая за происходящим.

Остальные сгруппировались в центре, склонившись над меню пиццерии.

– Одна пицца у нас уже есть, – выдвинула итог Белая Сирена, – как будем выбирать остальные?

– Давайте по старинке? – предложил Одноглазый Варан. –

Одну девочки и одну мальчики.

– Я согласна! – потянула руку Рыжая Бестия.

Никто возражать против такого справедливого предложения не стал.

– Анчоус, давай нам буклетик! – попросила у него меню Сирена.

– Пожалуйста, пожалуйста! Все лучшее дамам!

Сирена, Бестия, Кексик и Сова кучно сели в кружок, чтобы выбрать себе пищу.

– Какую берем, девочки? – спросила у всех Сирена.

– Можно взять «Семь сыров», – предложила Сова.

– Да, ну! – буркнула Кексик. – Мы эти «Семь сыров» уже три раза подряд брали. Давайте попробуем что-нибудь новенькое.

– Мне, например, всегда хотелось попробовать пищу с морепродуктами, – высказалась Рыжая Бестия.

– Ты имеешь в виду «Океанарию»? – поинтересовалась Сирена.

– «Океанария»? так она называется? А что там?

Сова зачитала:

– Мидии, креветки, кальмар, осьминог и... много других из морских обитателей.

– О, а мне нравится! – Сирена всплеснула руками. – Все согласны? Берем «Океанарию»?

– Да, давайте! – закивала Кексик. – Тоже захотелось чего-то рыбного... ух!

– Единогласно!

Сирена встала, прошла к Дэзу и торжественно вручила ему буклетик с меню со словами:

– Мы берем «Океанарию». Ваш черед, мальчики.

Дэз, заполучив заветный буклет, прошел к столу, вокруг которого собралась остальная мужская половина душепопечителей: Варан, Анчоус и Экзорцист.

– Что берем, парни?

– Мы часто брали «Йорм-Классик», но она уже надоела мне, если честно, – высказал свое мнение Варан.

– В постоянстве нет ничего плохого, – парировал Анчоус.

– Но у нас знаменательный день, Анчоус, время открывать для себя что-нибудь новое, – ответил Экзорцист.

– Я полностью с тобой согласен, Экз! – хлопнул Доктор Дэз. – Вы не хотите попробовать чего-нибудь остренького?

– Ты говоришь о «Йорм-Дьябло»? – выгнул бровь Варан.

– Ага! Очень похожа на «Йорм-Классик», но только острее!

Анчоус недовольно сложил руки на груди и поправил очки на носу.

– А мне казалось, что мы говорим о разнообразии.

– Хм... давайте еще подумаем.

– А как вы смотрите на «Декаданс»? – предложил Экзорцист.

– А что в ней? Анчоус!

Охнув, Анчоус взял буклет и зачитал ингредиенты пиццу

«Декаданс» с буклета.

– Просто и вкусно! – воскликнул Варан. – Мне нравится!

– Я тоже думаю, что она должна быть вкусная, – кивнул Дэз, – как ты, Экз?

– Мы еще не пробовали ее, так что я согласен на любое новшество.

Трое взглянули на Анчоуса, ожидая его решения. Он лишь пожал плечами и дал свой ответ:

– Я поддержу любую вашу идею. «Декаданс» – так «Декаданс». Решено?

– Да!

Выбрав, какую пиццу они хотят заказать, мальчики сообщили о своем решении девочкам. Говорить по телефону заказ доверили Сове. Впрочем, именно она, как правило, и заказывала пиццу за всех.

Закончив разговор, она сообщила остальным:

– Ожидаем через сорок минут.

Обрадовавшись, друзья приступили к приготовлениям для посиделок. Они сдвинули несколько столов вместе, убрались в зале и постелили на стол скатерть.

Пока готовка к ужину шла полным ходом, к ним наведалься тот, кого они любили и почитали, их самый верный и лучший друг.

Ходячая Старость.

– Добрый вечер!

– Ходячая Старость пришел!

– Ребята!

– Ходячая Старость здесь!

– Добрый вечер, Ходячая Старость!

Восемь друзей бросились обнимать священника. Он звонко посмеялся и обнял каждого встречного, не обделив своим вниманием Герцога и Апельсинку.

– Как вы, ребята? Решили заказать пиццу?! По какому же поводу?

– Сова предотвратила самоубийство! – ответила радостно Сирена.

– Ого! Я горжусь тобой, Сова! И... надо же сейчас еще не вечер, а ты уже здесь!

– Они вынудили меня проснуться, – пожалала Бродячая Сова плечами, – никогда не дадут мне выспаться. Ничего без меня не могут!

Ходячая Старость весело посмеялся.

– Дайте угадаю, Сова опять действовала по своим правилам и нарушила все инструкции действий при чрезвычайных ситуациях?

На этой ноте Ходячая Старость подмигнул Анчоусу, ожидая от него вспыльчивого ответа, и тот последовал незамедлительно:

– Именно так! Никакой дисциплины! Они совершенно меня не слушаются! Я пытался отнять у нее телефон, но она продолжала его запугивать Огненной Геенной!

– Вот оно как? – Ходячая Старость выгнул бровь. – Сова

применила прием запугивания?

Все вокруг замерли и удивленно уставились на Ходячую Старость.

– П-прием... за-запугивания? – переспросил Анчоус, заикаясь.

– Верно, Анчоус! Я использую прием запугивания лишь в крайних случаях. Обычно он хорошо работает, когда мы имеем дело с различными формами зависимостей. Иногда нужно запугать клиента, а потом рассказать о преимуществах, которые его ждут в случае, если он последует нашим рекомендациям.

– Именно так и поступила Сова! – сообразил Дэз. – Сперва она запугала его, а потом дала понять, что жизнь Билли изменится в лучшую сторону, если он не будет прыгать с моста...

– Так вот, как это называется! – ахнула Кексик.

– А я и сама этого не знала... – Сова прикрыла рот рукой.

Ходячая Старость подошел к ней, обнял со спины и сказал своим теплым нежным тоном:

– Порой мы и сами не ведаем, что творим, но делаем это из лучших побуждений. Ты сделала то, что считала нужным, Сова, и это оказалось верным решением. Я горжусь вами, ребята. Всеми вами! Тот объем работы, который вы выполняете, просто колоссален! Не знаю, что бы я делал без вас... Работа душепопечителей требует больших усилий, я уже молчу о вылазках Восьми Призраков Йорма. Порой мне кажется,

что вы – последний щит от зла в этом мире. Если не вы... то я не знаю кто...

Речь Ходячей Старости искренне растрогала всех друзей, и они побежали его обнимать еще раз.

– Мы вас очень любим!

– Вы – самый лучший!

– Да, лучше вас мы не встречали никого!

Решив развеять сентиментальную ноту, Ходячая Старость сунул руку в карман и осмотрел приготовленные для ужина столы.

– Пиццу вы заказали – молодцы. Надеюсь, вы не забыли про кагор?

– Ни в коем случае! – ответил Дэз. – Экз, ты сходишь за бутылочкой в подвал?

– Сделаю!

– И я даже думаю, что у нас с вами найдется время для... карточного турнира!

И Ходячая Старость вынул из кармана две колоды играль-ных карт.

– Сегодня?! – удивился Анчоус. – Но турнир у нас запланирован только на следующую неделю!

– Ах, Анчоус, ты же не будешь против, если мы слегка подправим твой график? – Варан оперся рукой о плечо Анчоус.

– В общем... нет...

– А мы будем играть в короткий или долгий турнир? –

поинтересовалась Кексик.

Ходячая Старость взглянул на часы и, подумав, ответил:
– Учитывая, что вам нужно поесть, а меня еще ждут кое-какие дела... простите, ребята, сегодня мы устроим только один короткий турнир.

Но даже это несколько не расстроило ребят. Они были рады даже короткому турниру.

Карточные турниры проходили очень просто. Для этого требовалось две колоды игральных карт. Все девять участников делились на две команды по четверо и пятеро человек. В каждой из команд среди участников организовывалась своя игра в «дурака». Победители в каждой из команд сходились в решающей третьей игре и боролись друг с другом. По итогам определялся один единственный лидер из всех участников.

Что касалось длинного турнира, то игра в двух командах шла не на выбор одного победителя, а на выбывание. Всегда выходил из игры тот игрок, кто первый проигрывал. И тогда игра начиналась снова с оставшимися игроками. Игры продолжались до тех пор, пока не останется один единственный победитель.

Последняя игра была самая интересная. Абсолютными лидерами в командах часто выходили Рыжая Бестия и Ходячая Старость. Последний никогда не поддавался. Наблюдать за игрой этих двоих оказывалось безумно интересно. Порой Бестию подменял Доктор Дэз, когда ему везло, а иногда Бро-

дьячая Сова могла обставить Ходячую Старость.

Что до противостояния Рыжей Бестии и Ходячей Старости, то их счет за все турниры сравнялся: пятьдесят семь на пятьдесят семь.

Все турниры складывались в один общий – большой карточный турнир, где счет велся до ста. Первый, кто наберет в общем зачете сто очков станет абсолютным чемпионом.

Ставки менялись постоянно. Но в какой-то момент вся команда ополчилась против Ходячей Старости и решительно «болела» за Бестию. Ходячую Старость такой расклад особенно забавлял. Ему нравилось их обыгрывать из раза в раз, а друзья не отчаивались, а только заряжались еще большим азартом.

Покинув душепопечительский центр, Экзорцист отправился в подвал Церкви выполнять свое маленькое задание. Ему предстояло отыскать там бутылочку кагора для их компании.

Церковь душепопечительства на улице Бримо славилась своим великим множеством различных помещений и тайных ходов. Лишь немногим было известно назначение всех комнат и расположение секретных лестниц и переходов, срезающих путь.

О всех тайнах этого здания знали лишь сам Кардинал и Ходячая Старость, разумеется. Экзорцисту и остальным, было известно об архитектуре Церкви больше, чем простым прихожанам, но и они не ведали обо всех тайнах этого зда-

ния.

Пройдя по уже знакомому маршруту, Экзорцист нашел маленькую деревянную дверь в пустом коридоре, за которым открывалась крутая каменная лестница, ведущая под землю, в подвал Церкви, таящий в себе множество тайн.

Он не забыл снять со стены зажженный канделябр, чтобы освещать себе путь во мраке. Поначалу Экзорцисту не нравилась эта лестница. Она слишком крутая, ступеньки очень высокие и узкие. Но со временем он привык к ней и спуск в подвал не представлял для него полосы препятствий.

Оказавшись под землей, под Церковью, Экзорцист спустился по лестнице и оказался в подвале – настоящем хранилищем самых ненужных и непонятных вещей.

Сколько они ни упрашивали Ходячую Старость рассказать о принадлежности многих артефактов, спрятанных здесь, он каждый вежливо отказывал им в этой просьбе.

Подвал Церкви представлял собой целое хранилище, покрытое многими толстыми слоями пыли. Возможно, даже сам Кардинал не знает обо всех предметах, спрятанных здесь.

На большой площади, в комнате с низким потолком, рядами стояли шкафы и стеллажи из черного дерева. Вдоль стел стояли длинные столы. Все вокруг заставлено самыми разными необычными, непонятными и странными предметами неизвестного назначения. В большинстве случаев Экзорцисту на глаза попадались стеклянные банки, колбы, склянки,

трубки и пыльные пробирки. На полках разместилось великое множество причудливых механизмов, сделанных из металлических деталей. Масса книг, свитков и ветхих фолиантов, на которые Анчоус давно точит зуб, а потом вход в подвал для него является запретным. Пустые клетки, инвентарь для уборки (метла, ведро, швабры и ветошь), целая ванна и коробка с писчими перьями.

Никогда не знаешь, что найдешь в подвале Церкви на улице Бримо в очередной раз, когда придешь сюда. В большинстве случаев все вещи вокруг выглядели, как ненужный хлам и старый мусор, но... все знали, что это далеко не так.

Впрочем, было здесь лишь одно место, которым можно пользоваться всем. Стекланный шкаф, заставленный бутылками с кагором. Как правило, именно в этом и заключалась основная задача любого, вошедшего в подвал. Найти этот шкаф, взять одну бутылку и скорее убираться отсюда прочь, пока не случилась какая-нибудь неприятность.

Особенно Экзорциста пугала гора сломанных деревянных распятий, сложенных в одну кучу. Рядом с этой горой по неведомой ему причине лежали стопки разбитых и потрескавшихся икон. Он никогда не понимал, почему с такими вещами не поступили, как полагается, а просто сложили здесь и оставили на века, словно запечатали, как нечто опасное, несущее в себе зло.

Конечно, не ему задаваться подобными вопросами и искать на них ответы. Дело Экзорциста в этом подвале малень-

кое и понятное.

– Вот и кагор!

Он аккуратно поставил зажженный канделябр на стол, осторожно открыл стеклянную дверцу и взял с полки бутылку кагора, проверив ее целостность и наполненность.

– Думаю, эта сгодится.

Он поставил бутылку на стол и закрыл двери шкафа. Делать все приходилось медленно и осторожно. Любое неловкое движение могло привести к плачевным последствиям.

Экзорцист уже хотел взять канделябр и бутылку, как вдруг... заметил на столе еще одну бутылку, пустую, стеклянную, закрытую жесткой пробкой.

Впрочем, будь она совсем пуста, она бы не привлекла внимание Экзорциста. Конечно, он заметил в ней нечто... и этим «нечто» оказались клубы синего дыма, бьющиеся о стеклянные стенки.

Экзорцист снова поставил бутылку с кагором, взял другую и подвел к ней пламя свечи.

– Что это такое?

Зрение его не обманывало.

Он ясно видел, как внутри стеклянной бутылки кружили облачка синего дыма.

– Пойду-ка я... не стоит здесь ничего трогать...

Экзорцист собирался поставить странную бутылку на место, но вдруг раздался громкий скрежет, который сильно испугал его.

От испуга Экзорцист разжал пальцы и выронил бутылку из рук.

Стекло разбилось.

Синий дым вырвался наружу из бутылки, растекся по полу, а потом начал подниматься вверх, тянуться к потолку, образуя плотный столб.

Экзорцист в ужасе попятился назад.

Он совершенно не был готов к подобным происшествиям.

Ему казалось, что внутри столба дыма кто-то шевелится. Он почувствовал запах ржавчины – кровь. В какой-то момент из столба дыма начали проглядываться темно-красные, вишневые тонкие щупальца. Что-то мерзкое бурлило и хлопало внутри дыма.

«Проклятье» – успел подумал Экзорцист, когда дым наконец рассеялся, а перед ним появилось отвратительнейшее создание.

Это существо лишь отдаленно напоминало человека – только основными его частями: головой, руками и телом. Что касалось ног, то их было сразу три! Левая нога в области колена расходилась на две части и образовывала сразу две новые голени и стопы с тремя пальцами. Другая нога, целая, представляла собой сплетение из голых мышц, артерий, вен и нервных волокон, торчащих в разные стороны. Было видно, как кровь течет по сосудам в разных направлениях. Сосуды пульсировали и переплетались, напоминая выющую лозу. Живот существа от самой шеи до пояса оказался разре-

зан. Грудная клетка полностью вскрыта. Все внутренние органы буквально вываливались наружу. Жизнь в этом создании поддерживалось за счет бьющегося сердца, обливающегося кровью. Петли кишечника сползали вниз и держались только на сальнике и провисающей брыжейке. Нижняя челюсть и щеки существа также оказались лишены кожного покрова. Рот широко открыт, острые зубы перемазаны кровью. Тощее худое лицо и обрезанный нос. Бритая влажная голова – череп с натянутым на него тонким слоем кожи. На лице – большие глаза пустоты, в которых копошились черные черви и бывшие личинки. Тощие длинные израненные руки к запястьям меняли человеческую форму. Вместо привычных пяти пальцев у этого существа было лишь три острых длинных звериных когтя. Существо двигалось медленно, неестественно и совершало резкие хищные движения руками.

Экзорцист споткнулся о мусор и упал на спину.

Чудовище, возникшее перед ним, посмотрело на него глазами-пустотами и издало протяжный жуткий демонический вопль.

Пиццерия «О, мой бог!»

– Демон?!

Эрнест покачулся на стуле и чуть не упал.

– Тише ты! – Фрэнсис придержал товарища за руку. – Ты же сам говорил, что в этой истории замешаны демоны. Я прав?

– Еще как!

Ответив это, старик поспешил удалиться.

– Вы куда? – занервничал Эрнест. – Вы должны рассказать нам о том, как Экзорцист справился с тем демоном из бутылки!

С кухни ответил голос:

– Наберитесь терпения!

Двоим друзьям ничего не оставалось, кроме как дожждаться возвращения бармена. Старик вернулся с двумя пицца в руках.

– Полагаю, вам будет интереснее узнать продолжение этой истории за кусочком пиццы. Прошу!

Перед Эрнестом и Фрэнсисом поставили две долгожданные пиццы.

– «Дьябло-Дьябло» и «Мясной мир» поданы! Приятного аппетита, джентльмены!

– Большое вам спасибо!

Фрэнсис и Эрнест взяли по кусочку пиццы.

– У! как же вкусно! Это божественно!

Старик весело посмеялся в ответ на похвалу Эрнеста.

– А я вам, что говорил?! Лучшая пицца в Йорме!

– Убедили! Теперь я поверю каждому вашему слову! Какая же острая... объединение!

Фрэнсис запил яблочным сидром и обратился к бармену:

– Так это правда, что в истории Марии Леконт замешаны демоны?

– Еще как правда! – старик всплеснул руками. – Если наберетесь еще терпения, то услышите о высших демонах, которые сыграли немалую роль в этой истории.

– Еще демоны?! Значит, это не единственный?!

– Ох, поверьте, это только первое появление демона в нашей истории.

Эрнест и Фрэнсис удивленно переглянулись.

– Ах! – не сдержался Эрнест. – Что же вы молчите? Прошу вас, немедленно продолжайте! Мне не терпится узнать, что случилось в подвале, когда появился демон! И как он возник прямо из бутылки? Что там вообще делала бутылка с демоном?

– Выслушав мою историю до конца, вы непременно получите ответы на все свои вопросы. Раз вам так не терпится узнать продолжение, то я не имею права вас больше мучать.

– Да, да! Говорите! Расскажите, что случилось! Как Экзорцист выпутался?

Бармен снова легко посмеялся, получая истинное удо-

вольствие от происходящего, и продолжил свой рассказ:

– Итак, мы остановились на том, что в подвале Церкви на Экзорциста напал демон, выпрыгнувший из бутылки. Важно подметить, что источник звука, напугавший Экзорциста и ставший причиной такой неприятности, в последствии стал причиной, по которой эта неприятность исчезла.

Глава 3. Пицца, кагор и демон в бутылке (продолжение)

– Экз! Эй, Экз! Ты чего так долго?!

Доктор Смерть.

– Демон! – крик Экзорциста. – Здесь демон, Дэз! Осторожно!

В следующее мгновение появился и сам Доктор Дэз. Он вышел из-за стеллажа с книгами и увидел перед собой такую картину: Экзорцист лежит на полу, а над ним склоняется уродливый демон.

– Мать Божья... – ахнул Дэз, – что это еще за дрянь?

– Он выпрыгнул из бутылки! Бутылка разбилась, и он вышел из дыма! Я не знаю, что это такое, Дэз! Давай поговорим об этом позже!

– Ты прав! Эй, ты, чудила, смотри на меня!

Дэз привлек к себе внимание демона. Существо повернуло жуткую голову и выпустило ледяной пар из раскрытой пасти.

Дэз размахивал руками, отвлекая внимание монстра от Экзорциста.

– Какой же ты уродливый, дружок! Ты на себя в зеркало давно глядел?

Демон, не выдержав насмешки, злобно рыкнул и бросил-

ся в сторону Доктора Смерть. Дэз сделал кувырок к столу, избежав нападения демона и схватил зажженный канделябр, который Экзорцист принес с собой.

– Вставай, Экз, вставай скорее!

Экзорцист поднялся на ноги и принялся осматриваться по сторонам в поисках подходящего оружия, которое могло победить чудовище.

Тем временем демон развернулся к ним, и Дэз бросил свечи прямо в монстра.

Канделябр угодил в разрезанную грудную клетку демона, и чудовище взревело, замахав руками.

– Это его не убьет, Экз! Надо что-то более мощное!

И Экзорцист нашел это.

– Святая вода!

Недалеко от него стояла целая бутылка со святой водой.

– Ты уверен? Думаешь, что в Церкви каждая бутылка будет непременно со святой водой?

– А у тебя есть другие идеи, Дэз?

Других идей не нашлось.

Демон вынул из себя горящие свечи, и струи крови, обильно стекающие по нему, потушили пламя, не успевшее разгореться.

В это время Дэз и Экзорцист на пару схватили большую бутылку с водой и приготовились к тому, чтобы облить ее на демона.

– Ты готов?

– Давай на счет «три»!

– Раз, два...

Демон, придя в себя, увидел, что готовили для него враги. Он зарычал и приготовился к прыжку, выставив вперед свои длинные острые верхние конечности.

– Три!

Демон отрывается от пола и прыгает в сторону Дэза и Экзорциста. В тот же миг двое опрокидывают бутыль и выплескивают ее содержимое прямо на чудовище.

Святая вода, соприкоснувшись с уродливым телом монстра, начала прожигать тонкую кожу, мышцы, сосуды и кости, словно кислота.

Существо взвыло от боли и попятилось назад.

– Ах, как же хорошо, что ты оказался прав, Экз. Вода, действительно, оказалась освященной!

– Повезло так повезло... не убавишь, не добавишь...

– Это точно!

Прямо на глазах у двоих друзей святая вода начала растворять тело демона. Оно принялось мгновенно таять и растекаться в уродливую лужу и зловонные массы.

Демона пригвоздило на полу к луже, в которой он стоял. Все его существо будто расплавилось, как металл при очень высокой температуре. Словно восковая свеча, он стек на пол и обратился в одно мерзкое кровавое жидкое месиво, от которой вверх поднимались струйки дыма.

В воздухе стоял запах паленого мяса.

– Вот же черт! – рывкнул Дэз и прикрыл нос. – Что это ты натворил, Экзорцист?

– Сходил за кагорчиком...

– Проклятье! Я все могу понять, Экз! Понимаешь? Все! Но какого черта демон... демон... оказался у нас в подвале! В нашей Церкви, Экз! Как?

Он взглянул прямо в глаза Экзорциста и протяжно повторил:

– Как?!

– Не знаю, Дэз, но нам повезло, что мы оба остались живы.

– Не будь мы с тобой Призраками Йорма, не выжили бы...

– Ты прав.

– Что будем делать?

Двое переглянулись и сошлись на одной-единственной верной мысли.

– Нужно рассказать обо всем Ходячей Старости.

Глава 4. Кардинал Ноа де ла Мар

Звонкий дружный смех разносился из душепопечительского центра, когда Экзорцист и Доктор Смерть вернулись из подвала с бутылкой кагора. Оба запыхавшиеся с всклокоченными волосами, своим видом они вызвали недоумение у остальных.

Варан раскладывал игральные карты на столе. Сирена раскладывала оставленную пищу на тарелки. Рыжая Бестия приготовила бокалы. Кексик прижимала к себе Апельсинку. Сова и Анчоус сидели рядом с Ходячей Старостью и слушали его смешные истории.

Заметив двоих товарищей на пороге, все замерли, бросив на них озадаченные взгляды.

– У вас такой вид, будто вы вылезли из Огненной Геены, – нарушила молчание Сова.

– Почти угадала, – кивнул Доктор Дэз.

– Мальчики, что с вами случилось? – забеспокоилась Бестия.

– Забавно, Сова, что ты упомянула об Огненной Геенне, – подметил Экзорцист, – мы только что видели одного парня, который заглянул в наш мир оттуда.

Реакция слушателей последовала незамедлительно. Все семеро вскочили со своих мест с гласным вопросом:

– Что?!

Пауза.

– Дэз, Экзорцист, что случилось в подвале? – серьезно спросил Ходячая Старость.

– Вам лучше присесть, – посоветовал Доктор Смерть.

Остальные послушались совета. Стоять остался только ходячая Старость.

– Я жду объяснений.

Двое замялись.

Экзорцист и Доктор Дэз обменялись неловкими ужимками и решили, что говорить должен именно Экзорцист.

– Такое дело... бутылка... там стояла пустая стеклянная бутылка на столе...

– И ты ее разбил? – догадался Анчоус.

– А как ты узнал? – встрял Дэз.

– Элементарно!

– Мальчики, не начинайте! – буркнула Сирена.

– А ну-ка тише, тише! – попросила Кексик. – Продолжай, Экз!

Переведя дух и сглотнув комок, Экзорцист продолжил:

– Да... я слышал, как Дэз вошел в подвал и испугался... выронил бутылку, она разбилась, а потом...

Все зависли в ожидании кульминации истории.

– Появилось облако дыма, а из него вышел... в общем...

– Демон, – закончил за него Доктор Дэз.

– Что?! – раздался хор голосов.

– Демон? – переспросил Анчоус. – Это еще как пони-

мать?! Что вы опять натворили?!

– Тише, Анчоус, пусть они расскажут, – попросил его Ходячая Старость.

– Простите, пастор...

Получив разрешение, Экзорцист продолжил рассказывать:

– Мы с Дэзом облили его святой водой... так что все нормально! Демон сдох... как бы...

– Вы угробили демона из бутылки? – выгнул бровь Варан.

– Похоже на то, – кивнул Дэз, – лично проверил – одно мокрое место осталось. Хотите посмотреть?!

– Но, пастор Джозеф, – Экзорцист обратился к Ходячей Старости по настоящему имени, – как такое возможно? В смысле... как демон мог оказаться в подвале нашей Церкви? Я думал они вообще не могут переступать порог святых мест! Вы же помните, как это случилось... тогда... в тот раз...

Оба: Экзорцист и Ходячая Старость – знали, о ком конкретно шла речь. Кое-кто не смог войти в Церковь из-за присутствия внутри него демонов.

– Да, Экзорцист, я все помню, – ответил спокойно Ходячая Старость, – и все же... вы меня сильно озадачили.

– Озадачили? – переспросил Анчоус.

– Боюсь, я не имею ни малейшего понятия о том, как демон смог проникнуть в наш мир. Исходя из того, что вы мне рассказали, можно сделать несколько выводов. Первый – бу-

тылка, которую ты разбил, оказалась на самом деле порталом из Огненной Геенны, через который демон прорвался в наш мир. Второй – некто открыл портал. Дальше... только вопросы. Кто открыл портал? Как он это сделал? И главное – зачем? Сейчас у меня нет ответов. Должен признать, этот день становится все более странным...

– Станным? – спросила Бестия. – О чем вы?

Ходячая Старость обвел взглядом все присутствующих, поправил очки на носу, а затем сложил руки на коленях и дал ответ:

– Ко мне на исповедь приходил Император Селиван.

– Вы шутите?

– Не сегодня, Варан.

– Император... а что он хотел? – спросила Сова.

– Пастор не имеет морального и духовного права разглашать тайнства исповеди, – отчеканил Анчоус.

– Не будь занудой! – буркнул Дэз.

Но на этот раз Ходячая Старость полностью поддержала Анчоуса.

– Он прав. Я не могу говорить вам о том, что мне рассказал Император. Сам факт его появления в нашей Церкви в образе простого прихожанина меня потряс. Единственное, что я вам скажу, так это то, что речь шла о его дочери.

– Принцесса! – ахнула Сирена. – Как она?

– В полном здравии и порядке. Ребенок вот-вот появится на свет. Просто... после вашей истории о демоне из бутылки

мне показалось, что этот день продолжает полниться странными сюрпризами. Кто знает, что еще ждет нас сегодня?

Ходячая Старость поднял строгий взгляд на Доктора Дэза и Экзорциста. На мгновение друзьям показалось, что он отругает обоих за такой проступок, но нет. Ходячая Старость вообще их редко ругал. Редко это значило почти никогда.

– То, что случилось сейчас с вами в подвале нашей Церкви, нельзя оставлять без внимания. Нам придется спуститься туда и все убрать. Будет крайне неприятно, если кто-то случайно забредет в подвал за бутылкой кагора и заметит на полу... как вы сказали?

– Кровавые останки демона, – помог ему закончить Дэз.

– Вот-вот! И никому ни слова об этом. Нас могут неправильно понять. Будем решать проблемы по мере их появления. Сначала вычистим пол в подвале, а потом начнем искать ответы на вопросы, которые нас волнуют. В первую очередь нужно понять, кому понадобилось открывать порталы в Ад. Это вполне годится для шоу «заговор против Империи».

– Считаете, что появление Императора и демона из бутылки не случайны? – догадалась Бестия.

– Безусловно! Здесь все связано! Нам придется развязать этот крепкий узел, чтобы во всем разобраться.

Каждый из присутствующих понимал, к чему клонил Ходячая Старость. Всех объединяла одна общая мысль, заставляющая кипеть кровь в жилах. Эта мысль дарила им адреналин, который они так жаждали.

– Значит... новая миссия для Восьми Призраков Йорма? – убедился Дэз.

– Дело о порталах в Огненную Геенну! – добавила Сирена.

– Именно так, друзья мои, – кивнул Ходячая Старость и легко улыбнулся, – ваше время снова пришло.

А потом они слышали шаги, разносящиеся из коридора за дверь.

– Кто-то идет, – первым услышал шаги Варан.

– И их несколько, – добавил Анчоус.

– Слышу шуршание балахона, – расширил картинку Дэз.

– Это может означать только одно, – ахнула Бестия.

Кексик шикнула, призывая всех к молчанию.

Экзорцист раскрыл подозрения и произнес шепотом не без дрожи в голосе:

– Кардинал Ноа...

Двери распахнулись.

На пороге душепопечительского центра появилась процессия из пяти человек. Среди них оказался горбатый старик с седой бородой до пола, высокий бритый фанатик, еще один тощий старик с седыми редкими волосами и один молодой юноша с золотистыми волосами.

Все четверо святош-фанатиков служили свитой для пятого, самого важного, участника процессии.

Этим участником был... сам Кардинал Ноа де ла Мар.

Никто из присутствующих не сомневался, что этот человек – самый страшный человек с самой пугающей и омерзи-

тельной наружностью, которого они когда-либо встречали в своей жизни.

Так, Рыжую Бестию всегда по-настоящему пугал облик Кардинала. Она чувствовала в нем что-то жуткое и неприятное.

Кардинал Ноа, по совместительству, являлся самым высоким человеком, которого они видели. Будучи на голову выше Анчоуса, он был выше всех присутствующих.

Высокий и тощий, носящий красные длинные облачения Кардинала, Ноа имел весьма запоминающуюся и неоднозначную внешность. Главным образом, она заключалась в том, что седые волнистые переплетающиеся жидкие волосы росли только из правой части лысой морщинистой головы. Волосы спадали на правое плечо и немного залезали на лоб и лицо. Что касалось левой части головы Ноа, то она не имела волосистого покрова, а только морщины, складки и уродливый красный шрам, тянущийся к кончику левой брови.

Ноа носил круглые очки в серебристой оправе, за которым скрывались его выразительные пугающие серые глаза, имеющие в своем арсенале приковывающий к месту пронзительный взгляд. Очки сидели на крючковатом длинном носу. Лицо Кардинала обезображено морщинами и множеством маленьких болезненных ямочек на щеках, словно на его кожу однажды обрушился маленький метеоритный дождик. Из волос на его голове еще была маленькая треугольная жидкая бородка. Усов Ноа не имел.

Кроме лица Ноа, в глаза бросались длинные руки Кардинала и тонкие бледные пальцы, увенчанные острыми белыми жуткими отточенными ногтями.

Сам образ Кардинала Ноа де ла Мара сразу ассоциировался с жутким человеком крайне неприятной наружности. Все в Церкви боялись Кардинала. Кроме того, что Ноа являлся главой Церкви Йорма, он также приходился Императору Селивану Первым Советником и правой рукой, имеющей по своим командование армию гвардейцев.

Порой Бестия задумывалась: «Что такой скверный человек, как Кардинал Ноа, делает на посту главы Церкви?».

Этот человек никак не вязался с ее представлениями о духовенстве, религии и святости.

Ноа боялись все, кроме... Ходячей Старости.

Голос Кардинала такой же холодный, жуткий, грубый и пугающий, как и его наружность.

– Добрый вечер, пастор Джозеф и... члены душепопечительского центра.

Ходячая Старость сохранял полное спокойствие при виде Кардинала и вел с ним вежливую формальную беседу.

– Добрый вечер, Кардинал.

Он встал и поклонился.

Остальные тоже поприветствовали вошедших гостей кивком головы.

– Чем мы обязаны такой честью? – продолжил Ходячая Старость.

– Ничего официального, пастор Джозеф. Просто пришел проверить, как идут дела в душепопечительском центре нашей Церкви.

Кардинал, оставив свою свиту у дверей, прошел размеренным шагом к центру комнаты. Он держал руки у пояса, сжимая пальцы в кулачок.

Герцог при виде Кардинала спрятался за стол. Апельсинка враждебно потянулась, вытянула хвост, но спрыгнула со стула и спряталась вместе с вараном.

– Работа центра идет полным ходом, Кардинал. Сегодня нам даже удалось предотвратить тяжкий грех, посягавший на главный дар Создателя.

– Неужели?

Кардинал замер и с интересом взглянул на Старость.

– Какой же это грех?

– Самоубийство, Кардинал Ноа.

– Ах... вот оно что... и кто же остановил несчастного?

Старость взглянул на Сову и даже заставил ее укором поднять руку, как это делают примерные ученицы.

– Я, Кардинал Ноа.

Кардинал прошел к Бродячей Сове и остановился прямо перед ней.

– Как тебя зовут?

– Л...

– Твое имя душепопечителя.

– Бродячая Сова.

– Хм...

Пауза.

Затем Кардинал зашуршал своей алой мантией и развернулся к Ходячей Старости.

– Я не буду переставать попрекать вас, пастор Джозеф, за то, что вы продолжаете якшаться с этой молодежью. Я остаюсь сторонником того, что миссию душепопечения можно доверить лишь людям с большим жизненным, профессиональным и духовным опытом.

– Кардинал Ноа, уверяю вас, лучших душепопечителей, чем мои подопечные, вам ни за что не найти.

Ходячая Старость всегда гордился своими ребятами и никогда не скупился на похвалу. В особенности, перед лицом Кардинала.

Ноа не понравился такой резкий ответ. Кардинал вплотную приблизился к Ходячей Старости и просверлил его своим ледяным взглядом.

Раздался холодный шепот Ноа:

– Я бы не был так... уверен.

Ходячая Старость ответил вежливым молчанием.

– До меня дошли сведения, что этим утром Император Селиван Леконт покидал Дворец.

– Какой-нибудь важный визит?

– Как бы не так, пастор Джозеф...

Кардинал Ноа довольно улыбнулся.

– Он вырядился под простолюдина и проник в эту Цер-

ковь в образе обычного прихожанина.

– Правда? Не заметил...

– Спрошу прямо, пастор Джозеф. Был ли сегодня Император Селиван Леконт у вас на исповеди?

– Ко мне приходят на исповедь разные люди. Если бы это был Император, я бы точно его узнал. Кардинал Ноа...

– Я понимаю, что вы дали священную клятву Создателю хранить таинства исповеди, но дело касается политики, пастор Джозеф.

– Я вас не понимаю, Кардинал...

– Если вам известны какие-либо важные политические сведения, которые могли бы поменять ход нынешнего правления, вы должны их сообщать мне.

– Хм... не думаю, что это в вашей компетенции...

– Я – Первый Советник Императора...

– Значит, вы все узнаете и без моей помощи.

– Ах, пастор Джозеф... не вам ли знать, что человек сильнее откроется священнику на исповеди, чем преданному слуге.

– Хм, не задумывался над этим.

Взгляд Кардинала Ноа наполнила неподдельной злостью.

– Хватит лгать мне, Джозеф. Я знаю, в какую игру вы играете. Вы и ваши подопечные остаетесь в стенах этой Церкви только потому, что я нахожу ваше общество... весьма забавным и полезным. Не советую вам впредь перечить мне, Джозеф. Мы оба знаем, какими последствиям могут обернуться

ваши необдуманые действия.

Ходячая Старость снова промолчал.

Кардинал повернул голову в сторону присутствующих при этом деликатном разговоре душепопечителей и холодно буркнул:

– Восемь Призраков Йорма... последний щит людей от зла... какая... нелепость...

Кардинал выпрямился и добавил уже громче и увереннее:

– Смотрите, как бы вас не заметили... случайно ночью...

Пауза.

– Не беспокойтесь, Кардинал Ноа, – ответил ему смело Доктор Дэз, – мы сильнее завяжем наши маски.

Это позабавило Ноа, и он одарил своего оппонента легкой усмешкой.

Кардинал, выяснив все, что хотел, развернулся к выходу и зашагал в коридор.

– Доедайте свою пиццу и возвращайтесь к работе. У вас ее еще очень и очень много.

Четверо фанатиков удалились следом за Кардиналом и хлопнули за собой деревянные двери.

Шаги в коридоре стихли, и в душепопечительском центре слышались вздохи облегчения.

– Свинство! – буркнула Сирена. – Как он вообще посмел вас так допрашивать, Ходячая Старость?

Одноглазый Варан схватился за полотенце, висящее на спинке стула, и принялся вытирать лицо.

– Я прямо весь вспотел, когда он вошел! И почему меня всегда бросает в дрожь, когда Кардинал Ноа заходит к нам?

– Не тебя одного, поверь, – поддержала его Кексик, – я прямо замираю и пошевелиться не могу! Стою столбом и не моргну!

– Спокойно, дети мои, ничего страшного не случилось, – Ходячая Старость опустил на мягкое кресло-подушку.

Но у Экзорциста оказалось иное мнение на этот счет.

– Как это не случилось? Мне показалось или Кардинал... шантажировал вас! Он отдает такие приказы и даже не стесняется нас! И его свита... они явно осведомлены обо всех его кознях!

– Не могу не согласиться с Экзорцистом, пастор Джо-зеф, – кивнул Анчоус, – будь ситуация другая, я бы сказал, что мы не должны оспаривать решения главы Церкви, но это... переходит все границы! Это недостойное поведение для Кардинала!

– Но достойное для человека, у которого в руках есть власть, – парировала Бестия.

Все дружно уставились на нее.

– А что я такого сказала?

За Бестию заступился Ходячая Старость.

– Она права. Кардинал – приближенный Императора. Нам остается только гадать, кто кого тянет за ниточки. Кардинал имеет оказывает большое влияние на императорскую семью, мы не можем этого отрицать.

– Это же неправильно! – встрянул Доктор Дэз. – Он хочет выведать политические секреты!

– И он имеет право делать то, что считает нужным. Задача Кардинала – защищать Императора. Если он узнал, что Селиван Леконт явился инкогнито ко мне на исповедь... это должно что-то значить. Как минимум, это означает, что есть ряд вопросов, в решении которых Император не может довериться своему верному Первому Советнику.

Они понимали, что Ходячая Старость прав, как всегда.

Герцог и Апельсинка, убедившись, что опасность в лице страшного Кардинала Ноа исчезла, вышли из-под стола.

– Это не наше дело, – добавил Ходячая Старость.

От этих слов всем стало тоскливо.

Но следующие слова Старости вселили в сердца душепопечителей надежду на лучшее:

– Это дело для Восьми Призраков Йорма.

История Бродячей Совы

Я поклоняюсь ночи.

Ночь – моя лучшая подруга, моя верная спутница, моя благородная богиня.

Я живу в ночи, и я дышу ночью.

Я существую ночью.

Почему?

Так спокойно.

Мне так нравится.

Так надо.

А еще я люблю черный цвет.

Однажды я сама пришла в Церковь душепопечительства на улице Бримо. До того дня я никогда не ходила на исповеди. Но пришлось...

Я села в узкую маленькую закрытую комнатку исповедальни и открылась пастору Джозефу.

– Мне нужна помощь.

Я честно во всем созналась.

– Что тревожит тебя, дочь моя?

В тот день его голос был так же нежен и ласков, как и всегда.

– Я хочу работать с вами. Хочу остаться здесь, в Церкви. Прошу... помогите мне.

Он вышел из исповедальни, чтобы посмотреть в мои гла-

за. Когда он увидел мое лицо, то окончательно определился со своим решением.

Я стала душепопечителем.

Церковь на улице Бримо стала моим новым домом.

Пастор Джозеф позаботился обо мне и выделил для меня отдельную комнату, где я организовала свою собственную художественную студию. Моя личная мастерская, наполненная холстами и красками.

В тот день, когда я оказалась в своей новой, еще пустой, мастерской, я поняла: моя жизнь только начинается.

Каждую ночь, возвращаясь домой, я надеваю свой темно-синий фартук и начинаю рисовать. Большой холст обычно приставлен к стене или лежит на полу. Вокруг стоят банки с краской. Кистями я почти не пользуюсь. Я использую... кисти своих рук.

В моих картинах зачастую фигурирует определенная палитра красок, очень точная и выверенная.

У меня свои цвета.

Черный. Оранжевый. Красный. Желтый. Белый.

Других не существует на моих полотнах.

Я – мастер пяти нот.

Лишь из этих цветов я создала десятки прекрасных картин, которыми неимоверно горжусь и восхищаюсь. Я не строю из себя великого художника и маэстро кисти. Нет!

Я делаю то, что мне нравится и получаю от этого удовольствие. Для чего еще нужна жизнь?

Мой фартук покрыт пятнами красок. Руки по локоть в черных и оранжевых пахучих жидкостях. Волосы завязаны в хвост. В нос ударяет дурманящий запах. Он опьяняет меня и сводит с ума.

Я вдыхаю испарения от красок и наношу смелые и дерзкие мазки.

Я зачерпываю краску в ладонь, размахиваюсь и бросаю на холст. Провожу рукой и делаю дугу. Снова и снова. Брызг, дуга, фон.

Брызг, дуга, фон.

Мои полотна полны экспрессии. Они не похожи ни на что. Когда я смотрю на собственные картины, то испытываю восхищение, смешанное со страхом, тревогу с радостью, счастье с отчаянием, ужас с умиротворением.

Это сильные картины.

Все мне так говорят, но и я... сама знаю об этом.

Иногда я рисую людей. Красивых людей, которые запутались... запутались, как когда-то запуталась я сама.

Они блуждают в темных лабиринтах собственных отчаяния, тревоги и страха... как и я гуляю по ночам.

Экстремальная Сова... такое прозвище мне сначала хотели дать, но нашлось кое-что более благозвучное.

Бродячая Сова.

В этом вся я.

Я живу ночью, а день... днем я отсыпаюсь. И сплю так, что кара Небесная меня не разбудит!

Объятия Морфея слишком крепки.

Мастерская заполняется разрисованными холстами. Мне мало. Сначала я изрисовала весь свой рабочий стол, а потом стала рисовать на белых скатертях.

Черными ручками...

Я собирала свои скатерти и вешала их на стены в своей мастерской. Вся моя комната, каждый сантиметр ее, будь то стены, пол и даже потолок – все увешано и заставлено моими картинками. Существует лишь невидимая тропа, чтобы перемещаться по комнате, переставляя ноги в строгой определенной последовательности. Об этой незримой тропе известно лишь мне одной.

У каждого человека свои секреты.

Свое хобби.

И свои... обязательства совести.

Я свое обязательство исполняю каждую ночь.

Гуляя по улице в ночи, я вдыхаю свежий воздух. Вокруг меня нет ни одной живой души. Никто, кроме Создателя, не наблюдает за мной, не следит и не пытается найти меня.

Я одна во всем мире.

Есть только я и эта ночь.

Улицы Йорма, скверы, парки, переулки, крыши, подземные переходы, мосты – все принадлежит мне.

Я – Королева Темноты.

Я – Царица Ночи.

Моя богиня благосклонна ко мне.

Гуляя по ночному спящему городу, я ощущаю свободу.
Ничто не стесняет меня, ничто не гнетет, ничто не пытается
сделать меня такой, каким оно есть само.

Я сама по себе.

Я – хозяйка своей собственной жизни.

И ради этого чувства я не сплю каждую ночь...

И не только ради этого...

Легкая и беспечная походка. Полная свобода действий.

Я могу бежать!

Могу нестись!

Прочь от всего!

Навсегда!

Могу кричать... петь... говорить...

И никто не услышит меня во мраке ночи.

Тьма – мой верный щит, мой сообщник, мой напарник и
друг, который защищает меня и сопровождает повсюду.

Без тьмы я чувствую себя нагой, обнаженной, голой и
грязной!

А ночь чиста.

Она честна.

Она такая, как и есть.

Она такая, какая я.

Но каждую ночь чередой чистых улочек, запутанных тун-
нелей Йорма, широких мостов и пустых скверов проходит. Я
иду дальше. Далеко, далеко, где никто из тех, кто меня знает,
не сможет меня найти.

Никому не придет в голову искать меня на самом краю Йорма, на самом... краю обрыва, где шныряют потерянные души.

Я иду туда.

Я иду туда каждую ночь.

Я иду к своей потерянной душе.

Душе, которой стыдно быть со мной рядом...

Я еще вернусь в Церковь, поднимусь на третий этаж, зайду в свою мастерскую и нарисую новую картинку. Я сделаю сорок или пятьдесят броских мазков, вылью ведро краски, использую все свои пять цветов и создам настоящий эстетический абстрактный шедевр, который никого не оставит равнодушным.

Я все это успею...

А пока...

Пока время чистого ночного воздуха проходит. В нос врываются зловония грязи, мусора, гнили и паленой кожи, к которым я давно привыкла.

Свалка.

Огромная помойка на границе города. Этим заканчиваются все большие города.

Они заканчиваются свалкой.

Я прошла через весь Йорм, прошагала несколько километров, чтобы прийти сюда. Меня еще ждет обратный путь.

Под ногами – грязь.

Лужи и грязь. Влажная земля.

В железных бочках горит огонь. Где-то сжигают резину. Кругом разбросаны покрышки. Жестяные банки, полиэтиленовые пакеты, кожа от бананов, арбузов, дынь и яблочные огрызки. На веревках висит мокрое белье. Рядом с бельем сушится тухлая рыба.

Люди, живущие здесь днями и ночами, всегда тепло одеты. Теплые куртки, брюки, сапоги, шерстяные шапки и перчатки без пальцев. Даже летом они греются.

Всегда греются...

Вот старик в инвалидном кресле. Вот трое бродяг с книгами. Вот женщины с пивом. Вот дети сидят у огня.

Они все здесь на своих местах. Ничего не меняется месяцами. Разве что кто-то новый придет, а старый помрет.

Других изменений не будет.

Это темная сторона Йорма.

Это та сторона луны, которую никто не видит.

Город – призрак.

И сюда я прихожу каждую ночь.

Я нахожу ее на том же месте, на том же каменном валуне, у той же горящей бочке, с очередной бутылкой пива.

Она сидит и ждет меня.

Моя несчастная бедная заблудшая душа.

– Лея...

Как и сейчас, каждую ночь она видит меня, встает и идет обнимать. Из глаз текут слезы.

Я чувствую прикосновение ее холодных дрожащих рук,

запах немывтых сухих волос и горячее дыхание на коже.

Душа обнимает меня и плачет, а я говорю ей без слез:

– Здравствуй, мама.

Ее зовут Изабелла.

Отец умер четыре года назад от раковой опухоли пищевода.

С того дня мать не выпускает бутылку из рук. От нее всегда несет перегаром. И я... ничего не могу с этим поделать.

Она тоже.

– Я ждала тебя, я так рада, что ты пришла.

– Ты же знаешь, что я прихожу каждый день, Изабелла.

– Называй меня мама.

– Я сделаю это, когда ты исполнишь свое обещание. Ты его не выполнила, Изабелла.

Она виновата смотрит на меня.

Я смотрю на ее опухшее лицо, на ее мешки под глазами, на ее водянистые глаза и двойной подбородок. Она ниже меня ростом, а потому я опускаю голову.

Я забираю у нее бутылку и разбиваю на осколки.

Снова...

Еще раз.

Сегодня все так же, как и всегда.

– Прости, Лея... прости меня!

– Не сегодня, Изабелла.

Она не может мне ответить.

Я беру ее под руку, и мы идем к ее валуну, ближе к огню,

чтобы она не замерзала. Мне же холод совсем не страшен. Ночь меня закалила.

– Каждый день я жду тебя и всегда боюсь за тебя, когда ты не приходишь.

– Ты же знаешь, что у моего отсутствия есть только одна причина.

– И это пугает меня. Задания, на которые ты отправляешься со своими друзьями, очень опасные.

– Это моя работа.

– Знаю, милая, знаю... я так за тебя волнуюсь.

Снова все те же слова.

Ничего не меняется изо дня в день.

– Когда ты придешь в Церковь?

Она смотрит на меня так, будто слышит это впервые.

– Прости, Лея.

– Мне не нужны твои извинения, Изабелла. Как же ты не понимаешь?!

– Во имя Создателя, называй меня «мама»!

– Ты этого пока не заслужила! Не заставляй меня снова ругать тебя. Когда ты будешь послушной, Изабелла? Когда ты уйдешь отсюда? Я хочу вытащить тебя! Понимаешь?! Каждую ночь я прихожу сюда в надежде забрать тебя отсюда, а ты не уходишь! Почему? Почему ты не идешь со мной, Изабелла? Я готова связать тебя, оглушить чем-нибудь и увезти в багажнике нашего фургончика! Вот увидишь! Придет та ночь, когда я не приду, а приеду сюда на фургончике При-

зраков и украду тебя! Ты этого ждешь, Изабелла? А я это сделаю! Я сделаю это, если ты сама не вернешь себе нормальную жизнь!

Она всегда плачет, когда я кричу. Ей больше ничего не остается.

– Ты же сама знаешь, почему я не иду с тобой, Лея...

– Совесть грызет, да?!

Мы обе знаем, что я права.

– Совесть – вещь жестокая, Изабелла! Если ты провинилась однажды, так возьми свою волю в кулак и исправь ошибки! Тебе еще грехи замаливать и замаливать...

– Опять ты за свое, Лея! Опять ты считаешь меня грязной грешницей, достойной самых жестоких мук Огненной Геены!

– Ты сама делаешь все, чтобы я так о тебе думала. Когда же ты поймешь, что это не может продолжаться вечно! Я всегда забываю, что у тебя, Изабелла, нет... воли...

– Доченька, милая... Лея... я люблю тебя...

– Не любовь мне от тебя нужна, Изабелла.

Снова ревет.

И так всегда.

Старый сценарий.

Она ничего не может с собой поделать. А я ничего не могу поделать с ней. Она сама выбрала для себя такую жизнь. Как бы я ни старалась, что бы я ни делала... она остается здесь или возвращается обратно.

Изабелла лезет в карман и достает пачку сигарет. Я отнимаю это у нее из рук.

Опять...

– Эй...

И бросаю в огонь.

Жар вспыхивает, и сигарет уже нет.

– Ты хоть знаешь, чего они мне стоили?! – Изабелла толкает меня в плечи.

– Мне плевать, чего они тебе стоили, Изабелла, – твержу я снова, – они не помогут тебе.

– Я не могу...

И снова плачь.

– Я не могу сделать то, о чем ты просишь.

– А что я прошу, Изабелла? Скажи мне! Что я у тебя прошу?

Мы обе знаем это, хотя...

Она могла забыть.

Стоит мне не появиться хоть один раз, на следующую ночь все намного хуже. Она снова начинает пить, и ее уже не разбудить. Если не спит, то выглядит совсем плохо. Она становится существом, с которым невозможно разговаривать, как с человеком.

По этой причине я прихожу каждую ночь – контролирую ее.

Пока она знает, что я приду, она будет держать себя в руках. Но на долго ее не хватит. Каждый раз, выходя на зада-

ние Восьми Призраков Йорма, я работаю с мыслями только о ней...

Меня нет рядом, и мне остается только рисовать в голове жуткие сцены того, что с ней здесь происходит.

– Ты хочешь, чтобы я ушла отсюда.

– Так.

– Хочешь, чтобы я пошла в Церковь.

– Дальше.

– Хочешь, чтобы я начала помогать тебе и нашла работу.

– Продолжай.

– Хочешь, чтобы я перестала пить и вернулась к нормальной жизни... с тобой.

– И что в этом сложного... мама?

Изабелла обнимает меня и плачет снова, вытирая опухшими пальцами опухшее лицо. Мы совершенно не похожи друг на друга. Не внешне, не внутри...

Вернее... были когда-то похожи.

То время давно ушло.

– Лея... я обещаю, что справлюсь... я все сделаю, миленькая... я все исправлю...

– Ты знаешь, насколько я сыта по горло твоими обещаниями?

– Не серчай... прошу... только не серчай, Лея...

– А я не остановлюсь, Изабелла. Я не прекращу это, пока ты не выполнишь все свои обещания!

Она испуганно смотрит на меня и моргает.

– Все до одного, – процедила я.

Изабелла в судороге сглотнула комок.

– Я стараюсь, Лея... правда, стараюсь...

– Мало стараешься, Изабелла. Мало стараешься...

Она кладет свою голову мне на плечо. Мне ничего не остается, кроме как обнять ее и прижать к себе.

Что бы там ни было между нами, Изабелла – моя родная мать.

И я с ней живу.

Отношения сложные, непростые... не просто так я стала душепопечителем – одним из лучших, способных предотвратить самоубийство.

Ничего не делается просто так.

И несмотря ни на что, она – моя мама.

– Что ты сегодня ела?

– Мы жарили рыбу.

– Я же говорила тебе, что в эту реку смывают все отходы! Мне не хватало, чтобы у тебя развилась язва, аппендицит или что еще хуже!

– Прости... я не говорила тебе, Лея... язва у меня уже есть...

– Что?

– Лея...

– И ты мне говоришь об это только сейчас? Когда это случилось?

– Два...

– Изабелла!

– Два месяца назад...

У меня нет слов.

Черт!

Я вскакиваю на ноги и начинаю тяжело дышать.

– В голове не укладывается! Проклятье! У тебя уже два месяца язва, а ты говоришь мне это только... только...

– Лея... не надо... успокойся...

– Успокоиться?! Изабелла! Как я могу тут с тобой успокоиться? Ты подыхаешь на помойке у меня на глазах и не даешь мне спасти тебя! Ты хоть представляешь какого мне жить каждый день, зная, что моя родная мать пропивает свою жизнь днями и ночами напролет на этом засранном пустыре?!

Сколько я раз я обещала себе не лить слезы при Изабелле? Много раз.

Но сдержаться получается не всегда...

Она встает и пытается меня успокоить. Изабелла обнимает меня и гладит по спине.

Меня всю трясет!

– Ты же понимаешь, что мои силы тоже не безграничны? – говорю я ей.

– Прости меня, Лея... прости...

Я наконец достаю из пакета хорошее приготовленное мясо, завернутое в фольгу и свежие фрукты. Еще я приношу ей свежий мягкий хлеб и чистую воду.

– Держи, поешь нормально сегодня.

– Спасибо...

– И вот еще.

Даю ей деньги.

Опять совершаю ту же ошибку.

– Если ты снова купишь на них сигареты или бутылку – больше не получишь. Так и знай, Изабелла!

– Хорошо, Лея... я обещаю!

Она берет сверток бумажных денег и убирает во внутренний карман своей куртки.

– И никому не показывай. Лучше купи на них новую одежду. Там хватит. Завтра будет еще. Но ты должна понимать, что я не могу отдавать тебе все свои деньги, Изабелла. Платят нам в Церкви немного, и мне тоже надо как-то жить.

– Я все понимаю, Лея...

– Да ничего ты не понимаешь!

Устала злиться на нее.

– Ладно, хватит на сегодня. Мне пора, Изабелла.

– Уже?

– Обратный путь неблизкий. Еще поспать надо. Опять ведь утром поднимут. Ничего там без меня не могут нормально сделать.

Настроение при воспоминании своих друзей у меня поднимается, и я начинаю легко улыбаться.

– Я буду завтра ждать тебя, Лея.

Изабелла снова обнимает меня.

– Я приду.

Я всегда прихожу.

– Я люблю тебя, мама.

И поцелуй в лоб.

Мы прощаемся, и я ухожу.

Я покидаю эту свалку и возвращаюсь в большой город, в красивый и настоящий Йорм.

Ночь радуется мне.

Нас с ней ждет еще несколько километров пути, которым я смогу вдоволь насладиться, шагая налегке.

Взглянув мельком на чистое звездное небо, я придумала свою новую картину. Сегодня же ею займусь.

Мне понадобятся все краски: черный, оранжевый, красный, желтый и конечно же белый.

Глава 5. Строптивая беременная принцесса Мария Леконт

«Именно слезы заставляют твои глаза блестеть» – так ей часто говорила мать, Императрица Амелия Леконт.

Принцесса, императорская дочь, Мария Леконт стояла у окна в своей комнате и смотрела на буйный Йорм с его улочками, площадями, парками, скверами и кипящей жизнью в них.

Темно-каштановые волнистые волосы легкой укладкой, закрученные внутрь, спадали на ее плечи. Принцесса отличалась пронзительным острым взглядом удивительных желтых, будто звериных, глаз и двумя пухлыми полосками ярко-алых губ. Одета в белую рубашку достаточно большого размера, чтобы не сжимать увеличивающийся с каждым месяцем живот, она носила красную прямую юбку по колена, темные колготки и черные туфли на каблуках. Сейчас же, учитывая обстоятельства, она стояла босая. Сама принцесса не отличалась высоким ростом, как и ее мать, но славилась своим сложным характером, в котором все более отчетливо прослушивались протестные нотки.

На широкой пышной кровати небрежно лежала ее серебряная тиара. С каждым днем корона сильнее сдавливала ее голову. Мария наотрез отказывалась ее надевать.

Стоя у окна, она одной рукой придерживала большой живот, а другой спину, успевшую выгнуться дугой.

Мария Леконт все чаще вспоминала слова матери, и ее образ, говорящий ей эти слова, каждый день возникал перед ней. Поначалу принцессе казалось, что у нее начались галлюцинации из-за беременности. Но потом она осознала, что сама умышленно и нарочно вызывает для себя образ матери.

Только что Амелия поцеловала дочь в щеку и исчезла из комнаты с теплыми словами, которых Марии так не хватало:

– Я горжусь тобой, дочка моя. Я тебя люблю, Машенька.

Так случалось все чаще и чаще.

Погрузившись в благодарную тишину, Мария не осталась в ней надолго. Двери ее комнаты распахнулись, и на пороге появились двое: ее отец и доктор акушер-гинеколог Алерайо.

– Мария, ты не занята? – обратился к ней отец.

Она закатила глаза, развернулась к Селивану лицом и ответила ему холодным взглядом, не удовлетворив его вербальным ответом.

– Доктор Алерайо хотел бы послушать сердцебиение плода.

Мария не выдержала и поправила отца:

– Ребенка.

– Да, прости, милая. Конечно... ребенка...

– Твоего внука, если ты еще не понял. Как может бабушка называть своего наследника плодом?

Она снова закатила глаза и села на край кровати. Мария резкими движениями пальцев начала расстегивать пуговицы рубашки, начиная от нижней.

Освободив живот, она позволила доктору Алерайо выслушать сердцебиение ребенка с помощью деревянной трубочки с воронкой – стетоскопом.

Доктор Алерайо ей никогда не нравился. Это был высокий сгорбленный тощий старик с трухлявыми руками, множеством морщин, бритой головой и скверным взглядом. У него отсутствовала добрая половина зубов во рту. Единственный плюс в его защиту – как специалисту своей области ему не было равных.

Доктор Алерайо никогда не снимал своего белого медицинского халата и всегда носил с собой фонендоскоп на шее, стетоскоп в руке и еще черный чемоданчик с необходимым медицинским инструментарием и лекарствами на все случаи жизни.

– Добрый день, принцесса. Как ваше самочувствие?

– Неплохо, доктор.

– Неплохо? Раньше вы говорили, что все хорошо.

– А вы раньше не придирались к моим словам?

Селиван не сдержался:

– Мария! Перестань!

Она слегка высунула голову из-за Алерайо и смерила отца нахальным взглядом, сказав ему:

– Что еще мне перестать делать, папочка?

Селиван не смог ответить на этот упрек дочери.

– Тогда помалкивай и не мешай мне и доктору Алерайо общаться.

Селиван держал свои комментарии при себе. Он явно не желал вспылить на таком ровном месте.

Именно!

Это было еще очень «ровное место».

– Не могли бы вы прилечь?

Мария молча легла на спину.

Тогда доктор стал класть свои ладони на живот принцессы, чтобы выявить положение плода. Он применил несколько простых акушерских приемов, чтобы понять, куда нужно приложить стетоскоп для прослушивания сердцебиения.

Определив положение плода, специалист приступил ко второй части своей маленькой миссии.

Доктор Алерайо прислонил к уху узкий конец стетоскопа, а к животу – широкую воронку. Послушав звуки в нескольких местах, он сделал вывод:

– Сердцебиение в норме. Ребенок абсолютно здоров. Мои поздравления, принцесса.

Мария Леконт снова села в постели, а доктор ей помог подняться.

– Зачем поздравления? Он и без вашего выслушивания был здоров. Я слежу за своим ребенком, если кто-то...

Она выглянула из-за Алерайо и взглянула на отца, закончив:

– ... в этом сомневается.

На этот раз Селиван не стал молчать:

– Если ты думаешь, что я сомневаюсь в том, что ты можешь правильно заботиться своим ребенком, Мария, то ты ошибаешься.

– Ошибаюсь, значит? Вот как мы заговорили! И где же я еще ошиблась, папочка? Когда сбежала из дома и вернулась с жизнью под сердцем? Ты об этом?

– Милая...

– Если хочешь опять упрекнуть меня в моем поведении, то сделай это! Доктор Алерайо уже свой человек! Он видел во мне такие места, которых ты не видел, папочка! Доктор знает мое тело лучше тебя, так что не стоит его стесняться. Говори все, что думаешь. Впрочем, ты и так всегда это делаешь, верно? Честность и искренность – твои щиты, я права?

Селиван набрал воздух в легкие, чтобы ответить Марии на выдохе, но не смог. Он не сказал ни слова, а просто выпустил воздух через рот.

– Пожалуй, я пойду, – Алерайо поправил фонендоскоп на шее и спрятал стетоскоп в широкий карман халата, – отдыхайте, принцесса.

– Именно этим я занимаюсь сутки напролет, доктор Алерайо. Благодарю.

В ее голосе звучали нотки сарказма, что ввело опытного акушера врасплох.

– Мда... всего доброго, принцесса!

Алерайо спешно направился к выходу.

– Спасибо, доктор.

Алерайо откланялся.

– Ваше Величество.

И вышел за дверь.

Следом за его уходом на пороге комнаты появилась Моника – верная служанка Марии, проводившая с ней больше всего времени.

Моника и Мария являлись ровесницами и были даже одного роста. Моника, как никто лучше, мог на себе представить то состояние, в котором сейчас прибывала принцесса.

Одетая в простое черное платье с белым воротником и туфли без каблуков, Моника обладала золотистыми блестящими волосами, завязанными в два пышных хвостика по плечи. Служанка покорно держала руки впереди, зажатыми в замок.

– Добрый день, Ваше Величество.

– Ах, Моника... прошу, выйди на время из комнаты и закрой дверь. Мне нужно поговорить с дочерью наедине.

Моника молча кивнула и последовала приказу Селивана.

Когда отец и дочь остались одни в комнате в полной тишине, Мария заговорила с ним первая:

– Уже выгоняешь моих служанок? Что же будет дальше? Выгонишь меня, чтобы посидеть с внуком? Если он тебе, конечно, понравится...

– Мария!

В голосе Селивана проступили жесткие властные нотки.

Именно такой тон вызывал в принцессе еще большую ярость и вспыльчивость. Она не терпела, когда с ней разговаривали таким тоном, особенно отец.

– Да, папочка. Так меня зовут, если тебе надо напомнить.

В ответ Селиван чуть не спросил: «Зачем ты это делаешь?», – но вместо вопроса, сказал другое:

– Я понимаю, почему ты себя так ведешь, милая. Ты считаешь, что я недоволен твоим нынешним положением. Ты считаешь, что я не принимаю тебя такой, какая ты есть и стремлюсь тебя исправить.

– А разве это не так?

– Было...

– Вот оно что? Было, значит? Говори правду, папочка. Ты ведь так ее ценишь. Нет ничего превыше истины. Я жду от тебя... истину.

Селиван прошел к дочери и сел рядом на край постели.

– Мне больно от того, что ты считаешь меня врагом, Мария. Я – твой отец и будущий дедушка твоего ребенка. Я не могу не любить тебя и его. Я очень вас люблю. Обоих.

– Тогда в чем дело?

– Я понимаю, что тебе тяжело. Это началось после смерти мамы, верно? Ты попала в сложную ситуацию, а потом... в еще более непростую ситуацию.

– Я сбежала из дома и забеременела, папа. Вот, что случилось. Я лишилась девственности на улице и там же зачала

ребенка. Никакая это не «непростая» или «сложная» ситуация. Прошу, называй вещи своими именами, если хочешь дальше продолжать наш разговор.

Император внимательно выслушал заявление дочери и сдержанно кивнул. Он стал более тщательно подбирать слова, чтобы лишний раз не разозлить Марию.

– Хорошо, милая. Прости. Я все понял. Ты абсолютно права. Признаюсь честно, твоя беременность изрядно меня удивила.

– Удивила? Так ты это называешь? Да ты был в ярости! Ты рвал и метал! Вспомни себя в тот день! Или ты уже не помнишь? Ты запер меня в моей комнате! Опять!

– Прости, милая, мне так жаль... прости...

– Я этими извинениями сыта по горло. Мне порой кажется, что ты уже не понимаешь, за что извиняешься.

Селиван взял дочь за руку, но Мария резко вырвала руки.

– Не трогай меня! Прошу! Не надо меня трогать!

– Прости, Маша...

– «Маша»? Как ты меня назвал?

– Ма...

– Ты никогда так меня не называл! Никогда! Только мама меня так называла, но не ты! Хочешь быть на ее похожим?

– Мария...

– Хочешь ее заменить?

– М...

– Этого никогда не будет! Так и знай! Ты совсем не похож

на нее! И ты никогда ее для меня не заменишь! Понял?

Она видела в глазах родного отца слезы, но они уже не трогали ее.

– И чего ты опять рыдаешь? Это мне нужно плакать! Мне! Ты постоянно был занят своими политическими делами. Ты – Император Валерии. Я все понимаю! В этом чертовом городе полно проблем, которые нужно решать. Я понимаю! Я сама лично убедилась в этом, когда сбежала из Дворца в первый раз. Но ты мог находить для меня время. Почему сейчас у тебя на меня времени хватает больше, чем на твои прямые обязанности Императора? Почему сейчас ты так якшаешься со мной, чего никогда не делал при маме? Все из-за беременности? Мне надо было забеременеть, чтобы ты обратил на меня внимание, да? Так это делается в семьях? У всех нормальные семьи. У всех! Если ты считаешь, что у нас нормальная семья, то позволь мне тебя разочаровать. Нет! У нас ненормальная семья, если ты считаешь иначе.

Мария больше не могла сдерживать свои слезы. Она закрыла лицо руками и отдалась плачу.

Селиван положил ладонь на ее спину меж лопаток, но Мария тут же потрясла плечами, прогоняя его руку, как назойливую муху.

Она будто говорила ему снова: «Не трогай меня!».

– Я понимаю, что ты считаешь нашу семью ненормальной и странной. Я понимаю, что тебе не хватало моего внимания и общения со мной, когда мама была жива. Доченька, это

все...

Неожиданно Мария перестала плакать, чем смогла призвать Селивана к молчанию. Она вытерла лицо от слез тыльной стороной ладони и выпрямилась.

Ее взгляд изменился.

– Я поняла...

Она повернула голову к отцу.

– Я поняла, что ты делаешь.

Она смотрела на него, как на самое ужасное существо на свете.

– Ты возвращаешь мне мои собственные слова и постоянно говоришь, что понимаешь меня, чтобы я не нервничала еще больше... Ты хочешь убедить меня, что понимаешь и слышишь все, что я говорю, а потом... вставляешь что-то свое, чтобы переубедить меня в моих же собственных мыслях!

Взгляд Селивана полностью выдал его.

– И кто тебя надоумил на такое?

– Как... как ты это поняла?..

Мария сорвалась на плач и на крик:

– А потому что я не первый день живу в этом мире! Я была за стенами Дворца и, представляешь, кое-чему научилась там без твоих поддержки, помощи и заботы! Я не такая глупая и наивная беременная дурочка, слепо проглатывающая все, что ей дадут, как ты обо мне думаешь! Я раскусила тебя в два счета!

Для Императора Селивана такой поворот событий, действительно, оказался большой неожиданностью.

– Со мной такие штуки не прокатят! Понял меня?! Давай! Скажи, что «я тебя понимаю, милая, такие трюки на тебе не работают, но...»

В итоге Мария сорвала на крик:

– Меня это все достало! Достало! Достало! Слышишь?! Достало! Хватит! Хватит играть так со мной! Я не твой подопытный кролик для психологических экспериментов! Если не умеешь разговаривать со мной, то честно признай это! Ты вообще не знаешь, что мне надо и чего я хочу!

Император Селиван был готов сам сорваться на крик, а потому сдерживал себя из последних сил.

Он не хотел кричать на дочь в очередной раз.

Он не мог извиниться перед ней, ведь это снова приведет Марию в бешенство.

Единственный «безопасный» выход, который видел Селиван в данной ситуации, это простой уход.

Ему хотелось выбежать за дверь и оставить Марию далеко-далеко от себя. Но сама мысль просто сбежать от родной дочери, находящейся в таком тяжелом эмоциональном состоянии, казалось ему чудовищной.

Он снова оказался в том лабиринте, из которого не может найти выход.

А существовал ли этот выход вообще?

Что может поменяться после рождения ребенка?

И поменяется ли?

– Мария, успокойся. Тише!

Он крепко обнял ее.

Принцесса сделала несколько отчаянных попыток вырваться, но не смогла. Хватка отца оказалась слишком сильной.

– Я же сказала, чтобы ты не трогал меня! Ты опять меня не слушаешь!

Но Селиван продолжал прижимать дочь к себе. Он не хотел ее отпускать, пока она не успокоится. Это был его последний и единственный план, исключаящий затею о трусливом бегстве из комнаты.

– Тише, Мария, тише. Успокаивайся. Ты не должна нервничать. Это плохо для вас обоих. Прости меня за все. Я люблю тебя. Несмотря на все наши ссоры, ты знаешь это, правда? Я люблю тебя, Мария. И совершил много ошибок и продолжаю их совершать по своей глупости по сей день, но этот факт ничто не сможет изменить. Я люблю тебя и твоего ребенка. Я люблю вас обоих. Вы двое – самое дорогое, что у меня есть. И ради вас я готов пойти на все, Мария, на все...

Мария перестала плакать и вырываться из объятий отца. Она дала ему то, что он хотел получить. Она успокоилась... только для того, чтобы он... наконец ушел.

– Хватит, папа. Пора заканчивать этот цирк. Я в норме.

Только теперь Селиван не без опаски отпустил свою дочь.

– Я хочу спать.

– Обедать не пойдешь?

– Потом. Сейчас спать. Позови Монику, чтобы она помогла мне улечься.

– Как скажешь, милая. Приходи кушать, как проголодаешься.

– Приду вечером.

– Хорошо. Отдыхай. Спи, милая.

Селиван поцеловал ее лоб, еще раз обнял за плечи и направился к выходу из комнаты.

Одарив Марию теплым взглядом, он позвал Монику и вышел за дверь.

Мария с облегчением вздохнула.

Она знала, что этот способ – единственный способ, каким она могла избавиться от навязчивого отца.

– Вы хотели спать, принцесса Мария? – Моника вошла в комнату.

– Закрой двери.

Кивнув, Моника выполнила первое поручение.

– Он ушел?

– Император Селиван?

– Моника... – прорычала Мария.

– Простите. Да. Ваш отец направился в Трапезный Зал.

– Хорошо. Надо подождать, пока он начнет обедать.

Моника нахмурилась. Она начала догадываться, что ее принцесса явно не желает ложиться спать, как заявила об этом Императору.

– Вы что-то задумали?

– Угу... Ты знаешь, что делать, Моника.

– Мне строго запретили вам помогать в этом, принцесса Мария.

– А еще ты знаешь, что я с тобой сделаю, если ты мне не поможешь.

Моника в испуге сглотнула.

– Выждем несколько минут и начнем действовать. Проверь все коридоры, а потом выведи меня из Дворца. Я вернусь через два часа. Ожидай меня у восточного входа.

Моника кивнула.

– Куда вы отправитесь?

– Нужное кое с кем встретиться.

– Свидание?

– В некотором роде. У меня есть незаконченное дело с...

Она неожиданно замолчала.

Моника – единственный человек во Дворце, который знал о всех ее секретах. Мария не раз убеждалась, что эта служанка – самый надежный человек, которому она может полностью доверять.

И сейчас Моника должна ей помочь еще раз.

Переведя дух, Мария взяла тиару и начала крутить ее на указательном пальце, словно обруч.

Принцесса закончила свои последние слова:

– Это дело связано с отцом ребенка. Мне и самой хочется, чтобы эта вылазка стала последней.

* * *

Император Селиван в полном одиночестве чел за роскошно накрытый длинный стол в Трапезном Зале. Когда-то он ел за этим столом в окружении всей своей семьи.

После смерти жены, Императрицы Амелии, он все чаще принимает пищу в полном одиночестве.

Мария крайне редко навещает отца на ужинах и... каждый такой ужин заканчивается очередной ссорой.

А разругавшись, двое отправляются спать без примирения.

Проходит ли обида на утро?

Не всегда и крайне редко.

Если Селиван всегда готов простить Марию и извиниться перед ней первым, то дочь лишь в исключительных случаях прощает очередную ошибку отца. Обиды, претензии и скандалы продолжают накапливаться, как снежный ком. Меньше их не становится.

Селиван после очередного тяжелого разговора с дочерью не обращал совершенно никакого внимания на поваров и слуг, услужливо предлагавших ему блюда и желавших приятного аппетита.

Император ничего не отвечал им, а сидел на своем месте, что-то ел и смотрел в пустоту.

Из головы не выходили сцены из последнего разговора с Марией. Он так часто сидел и думал, как бы мог сказать и ответить по-другому, если бы снова оказался там, в прошлом.

Такие мысли посещали его каждый день по нескольку раз. Он снова и снова прокручивал все те же ситуации и искал иные выходы из конфликта и пути решения проблем.

Он меня свои слова и отвечал себе самому за Марию, стараясь говорить и думать, как она.

И каждый раз он понимал, что всего варианты альтернативной реальности несбыточны благодаря одному справедливому парадоксальному факту.

Если бы он мог думать, как Мария, то никаких конфликтов и ссор не возникало.

А потому Селиван никогда не сможет себе в мыслях ответить за дочь так, как бы она в действительности ответила бы ему в реальной жизни.

Впрочем, он утешил себя одной мыслью: «В этот раз все закончилось не так уж и плохо. Мы расстались на вполне компромиссной, если не мирной ноте. Все могло бы гораздо хуже. Сегодня мне хотя бы не пришлось громко хлопнуть дверью и запирать свою дочь наедине с ее истерикой. И все же обидно, что она раскрыла тот прием в общении, который мне порекомендовал пастор Джозеф... возможно, я плохо им владею».

– Император Селиван...

Это первые слова, которые он осознанно услышал с того момента, как сел за стол.

По большей части, он услышал эти слова из-за до боли знакомого голоса, произнесшего их.

– Кардинал Ноа!

– Приятного аппетита, Ваше Величество. Простите, я пришел для вас со срочным поручением.

– Давайте позже, Ноа. Мне нужно поесть.

– Ах, дело пустяков! Всего одна ваша подпись, и я побегу дальше по делам.

– Подпись?

В руках Кардинала появился пергамент, ручка и печать.

– Нужна ваша печать и подпись, Император.

– Что это, Ноа?

– Приказ о найме новых гвардейцев.

– На службу поступили новобранцы? Очень хорошо, Кардинал де ла Мар. Вы их видели? Славные ребята?

– Да, молодые юноши готовы верой и клятвой служить Церкви и Короне.

Император закашлялся.

– Вам стоит выпить.

– Ах, вы правы! Давайте вина.

Кардинал любезно наполнил для Императора кубок вина.

– Это очень хорошо, что вам понравились новобранцы! Это именно то, что нам нужно! Я подпишу приказ сейчас же.

Селиван вытер руки о сухое горячее полотенце, лежащее у него на коленях, и раздвинул на столе тарелки с едой.

Кардинал любезно разместил перед ним пергамент, печать и гелиевую авторучку с черными чернилами.

Селиван ловко поставил печать внизу документа, как это

делал всегда на автоматизме. Затем он взял ручку и бокал вина.

– Так, посмотрим...

Первым делом Селиван поставил подпись, затем сделал два легких глотка вина из кубка, а потом пробежался взглядом по предложенному ему приказу о найме новых гвардейцев в личную армию Кардинала.

Просмотрев пергамент, Селиван сглотнул и пробормотал:

– Подождите-ка...

Пиццерия «О, мой бог!»

– Стойте! Стойте! Стойте! Стойте! Подождите! Минуточку...

Эрнест усердно записывал основные мысли из истории официанта, периодически делая глотки яблочного сидра и закусывая «Дьябло-Дьябло».

– Все записал? – подшутил над ним Фрэнсис.

– Да-да, но дело не только в этом...

– А в чем еще?

– В фактах!

– В фактах?

– Для книги, которую мы с тобой планируем написать, важны четкие и неоспоримые факты. Речь идет об исчезновении целой императорской династии! Ты же представляешь себе все масштабы, Фрэнсис?

– Масштабы! Хм... ты прав! Я представляю! А какие факты тебя интересуют?

Эрнест наконец поставил жирную точку в конце предложения, облегченно выдохнул, взял в левую руку кусок «Дьябло-Дьябло», а правой рукой приготовился записывать дальше.

– Итак... вы сказали, что это был последний разговор Императора Селивана Леконта со своей дочерью принцессой Марией, так?

Старик уверенно кивнул, как на допросе.

– Совершенно верно!

– Выходит, после того, как Селиван покинул комнату дочери и отправился на обед, они больше никогда не виделись, верно?

– Тот раз, когда Селиван Леконт взглянул на Марию перед тем, как выйти за дверь, стал последним разом, когда отец видел свою дочь.

– На что это ты намекаешь, Эрнест?

Эрнест тут же пригрозил Фрэнсису пальцев, призывая товарища к молчанию. Обдумав что-то, Эрнест выдал новый вопрос:

– Выходит, этот разговор между Императором и принцессой случился... в день смерти Селивана?

Фрэнсис чуть не подавился сидром и усиленно закашлял.

– Фрэнсис! Ты чего?!

Эрнест постучал друга по спине.

Прокашлявшись, Фрэнсис сделал маленький глоток, чтобы промочить горло, и объяснил:

– С чего ты взял, что Император Селиван умер именно в тот день?

– Если тот разговор был последней встречей Селивана с Марией, то это просто очевидно, мой друг! Простая элементарная цепочка причинно-следственных связей! Останься Селиван жив в тот день, он бы захотел еще раз увидеть Марию перед сном.

– А с чего ты взял, что она вернулась во Дворец после побега? – парировал Фрэнсис.

Такой выпад застал Эрнеста врасплох.

На этот вопрос знал ответ только официант.

– А она вернулась? – прямо спросил Эрнест.

– Первым делом вы должны были спросить не это, – поправил обоих старик, – правильный вопрос такой: «Удалось ли Марии сбежать из Дворца в тот день?». Не забывайте – она задумала это сделать во время обеда. А что говорит официальная версия о смерти Императора?

Фрэнсис в точности запомнил ту колонку и статью-некролог о смерти Императора из утренней газеты.

– Сердечный приступ наступил в четырнадцать часов тридцать две минуты по йормскому времени. Это как раз обеденное время!

– А значит...

– Весть о смерти Императора распространилась с молниеносной скоростью, и Мария могла физически не успеть сбежать из Дворца. Что же случилось?

– Ее и Монику заметили за два коридора до выхода и... сообщили печальную весть.

Получив ответы на свои вопросы Эрнест и Фрэнсис задумались над новыми.

– Для меня смерть Императора все равно остается тайной, – Эрнест откусил еще кусок пиццы, – он был слишком молод, не имел вредных привычек и явных проблем со

здоровьем. Как у него мог возникнуть сердечный приступ? Смертельный! Прошу внимания! Смертельный один-единственный сердечный приступ!

– Или Император долгое время скрывал что-то о себе? – предположил Фрэнсис.

– Хм... не думаю, Фрэнсис. Это максимально подозрительно!

Эрнест с прищуром взглянул на официанта и задал ему прямой вопрос:

– А был ли сердечный приступ?

У старика нашелся свой вариант ответа:

– Вы рассуждаете в точности, как рассуждали Восемь Призраков Йорма, узнав о смерти Императора. Они задавались тем же вопросом. А был ли сердечный приступ?

– Они нашли ответ? – не сдержался Эрнест.

– О, да! Они нашли ответ...

– Ах! Продолжайте же вашу историю! Нам не терпится узнать, что же случилось дальше! Как Призраки Йорма узнали о том, что на самом деле случилось с Императором в последние минуты жизни?

Старик ехидно улыбнулся и продолжим:

– Итак, на следующий день после смерти Императора Селивана Леконт...

Глава 6. Кто подстроил сердечный приступ?

Бродячая Сова стянула белое покрывало с холста и представила всем свой новый художественный шедевр.

Как и другие картины Совы, эту переполняло множество абстрактных элементов, но, в отличии от остальных работ, среди буйства и хаоса красок прослеживались образы и даже сюжет.

В правой части холста из желтых, оранжевых и красных цветов складывался образ девушки, сидящей на камне, обнимающей руками колени. Она сидела к зрителю боком, а потому прослеживался ее изящный нежный профиль. За спину уходили длинные пышные волосы, развивающиеся на ветру.

Если приглядываться к картине еще дольше, то можно увидеть море – буйный океан серых и белых цветов, а над ним – черное небо и мириады белых звезд.

Вся картина написана удивительно смелыми и броскими мазками. Отчасти все представленное здесь – абстракция, а с другой стороны – настоящее творение с четким продуманным сюжетом и филигранным его исполнением.

Это лишний раз подчеркивало, что Бродячая Сова – настоящий гений. Она – творческая натура, раз смогла из пя-

ти цветов создать подобный образ, и в этом никто не смел сомневаться.

В самом деле! На первый взгляд при виде этой картины можно заметить лишь беспорядочные мазки и цвета, но потом... чем дольше смотришь, тем больше замечаешь. Эта картина лишена ненужных и второстепенных деталей. Все здесь играет важную и первостепенную роль.

Девушка на берегу, буйное море, звездное ночное небо – все – главные герои.

Сова закурила, опустилась в кресло-мешок рядом с холстом и принялась наблюдать за реакцией зрителей.

– О! Я поняла! – воскликнула Кексик. – Смотрите! Смотрите! Это же девушка, это море, так? А это...

– Небо со звездами! – помогла ей Сирена.

– Правда? – одноглазый Варан выгнул бровь. – А я сразу и не заметил... точно! Теперь увидел! А как это... надо смотреть под другим углом что ли?

– Не нужно ничего смотреть под другим углом, Варан! – ответила ему Бестия. – Просто постарайся обращать внимание не на точечные детали, а на целое!

– Целое?

– Ага! Тогда ты увидишь всю суть сразу. Здесь не нужно заикливаться на мелочах, а смотреть на все вместе и сразу! Все связано!

– Ты права, Бестия, – хмыкнул Анчоус, – но при этом в каждой детали этой картины тоже имеется свое изящество.

Дедукция и индукция здесь работают одновременно во всех своих направлениях и проявлениях!

– И я тоже это понял! – поддержал всех Доктор Дэз. – Ты – настоящий гений, Сова! Это же надо... такое выдумать!

– Божечки, это прекрасно! – выразилась Кексик, театрально шмыгнув носом.

– Bravo! – Экзорцист зааплодировал. – Это потрясающе! Bravo!

Остальные поддержали поздравления, адресованные художнику, бурными дружными аплодисментами. Сова встала из-за кресла-мешка, вынула сигарету изо рта и трижды театрально поклонилась в ответ, положив свободную руку на область сердца.

Часы на руке Анчоуса завибрировали и издали короткие сигнальные звуки. Он щелкнул на кнопку, выключив сигнал оповещения и сообщил:

– Пора приступать к работе.

Покидая мастерскую Совы, друзья по очереди еще раз поздравили Сову с ее новой выполненной работой и выразили ей свои эмоции и впечатления в хвалебных и нескромных комплиментах.

По пути в душепопечительский центр, Сирена дернула Бестию за руку, увела ее в сторону от процессии ребят и поспешила все объяснить:

– Вы идите, идите, а мы с Бестией сейчас вас догоним. Есть разговор.

– Что случилось, Сирена? – спросила Бестия, застигнутая врасплох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.